

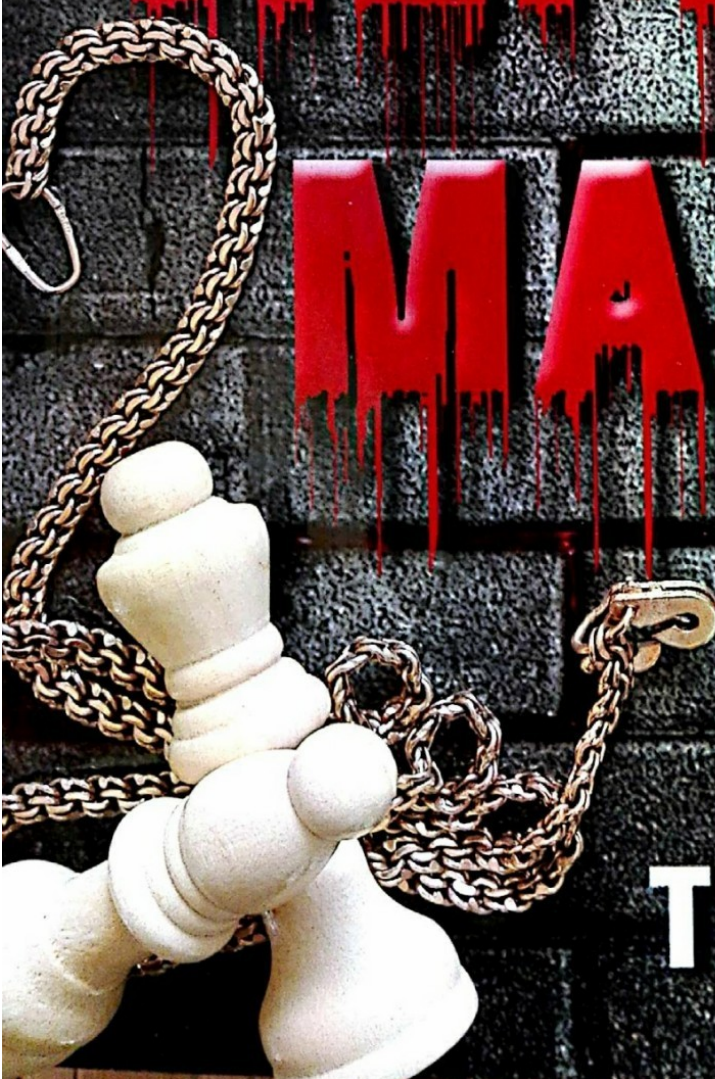

ЛИПИН

Продолжая Веллера

ЛЕГЕНДЫ

МАФИИ

ТОМ 1

18+

В. Липин

**Продолжая Веллера:
Легенды мафии. Том 1**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Липин В.

Продолжая Веллера: Легенды мафии. Том 1 / В. Липин —
«ЛитРес: Самиздат», 2017

Про него говорили, что он может организовать всё, что угодно - от ресторана до несчастного случая. Ресторан и вправду был, и был необычайно популярен. И если не случилось вам завсегдайтасовать тогда у знаменитой барной стойки - вперёд, читатель, и вы тотчас сможете приобщиться к тем странным, страшным, диким временам. Просим не забывать вас только о том, что речь идёт о девяностых, и колорит тех лет нынче выглядит мрачновато и чудно. Ещё никто не писал про мафию в таком стиле. Это, наверняка, первая книга, в которой показана вся изнанка мафии со всей откровенностью, лишь через призму иронии. Юмор и смех - лучшее лекарство против страха.

ЛИПИН

Продолжая Веллера :

ЛЕГЕНДЫ МАФИИ

ТОМ 1.

БЛАГОДАРНОСТИ

Хочу выразить благодарности моим родителям, всем четверым. Без них я не стал бы тем, кто я есть.

Спасибо моей преданной жене, без терпения и понимания которой, я бы давно умер голодной смертью, не окончив рукопись.

Спасибо моим побегам, как родным, так и привитым, надеюсь, генетика не так страшна, как её малюют.

Спасибо моим верным и любимым друзьям, хоть и не будут они читать фолиант без серий упражнений на пресс и бицепс.

Отдельное спасибо МИХАИЛУ ИОСИФОВИЧУ ВЕЛЛЕРУ за острый ум, его неподражаемый стиль и блестящий язык, которые и побудили меня перековать мечи на писАло.

Трещала по швам и расползалась Империя.

В одном из её осколков, в придуманной стране Сорристан, в загадочном вольном городе N, был ресторан. Он носил звучное имя Бар Корлеоне. Возможно поэтому, а вполне вероятно, что и нет, называли его владельца дон Корлеоне и был он циничен, ироничен и афористичен; а может его и не было вовсе, и это лишь миф, легенда, созданная, чтобы было на кого взваливать непосильную ношу и непомерную ответственность. Его деятельность не находилась на виду и не подлежит обсуждению, ведь нельзя же обсуждать тени ?

Великие люди окружали нас. Победители, приученные к борьбе, к проигрышам и падениям, встававшие и восстававшие. За ошеломляюще короткое время им удалось невозможное; выстроить на руинах невероятный, сумасбродный, необузданный мир.

С маниакальным безумием они вели борьбу за власть, за деньги, за влияние, за свою долю страха, внушаемого людям. С безрассудной одержимостью тѣк эксперимент с неконтролируемым и непредсказуемым результатом. Война на истребление непокорных. Непокорными были чуть больше, чем все.

Возможно, кое-кто, из числа тѣртых и прожженных, почѣсывая старые раны, узнают события, узнают себя и узнают Время.

То Время, когда их величие было бесспорным, власть всемогущей, а возможности безграничными.

Местами это вымышленные истории реальных героев.

Местами это реальные истории вымышленных героев.

Это не книга о бизнесе.

Это не книга о любви.

Это не книга руководство к действию.

Возможно, это – полная недомолвок и неясностей попытка вспомнить то, что забыли и что надо бы забыть.

Попытка понять, есть ли в мире истина, и есть ли гармония ? Спасѣт ли мир красота ? И взывает ли душа к справедливости ?

Эта история обречена стать легендой. Уже и не осталось почти никого из тех, кто может подтвердить достоверность или опровергнуть вымысел.

Надеюсь, автору простят стариковскую забывчивость. Замшелый осколок реликта, сохраняя постыную, скептическую мину на лице, рассказал вам историю через пятое в десятое, приукрасив там и сям, добавив то да сё.

Проницательный читатель, приложив толику умственных усилий, легко сможет отделить правду от вымысла, и слово от дела, мух от шельм, а бурьян от плевел.

Чем глубже погружаешься в события тех насыщенных лет, тем всё более приблизительными и всё менее надёжными становятся свидетельства. И хотя музыкой звучат они в сердце автора – сморщенного огрызка, почти невозможно отделаться от чувства, что они ничего не объясняют.

«Если испытываешь страх перед чистым листом бумаги – так не пиши !»

М.И. Веллер.

«Значит, нужные книги ты в детстве читал!»

В.С. Высоцкий

ЧАСТЬ I. ИЛЬЯ

ТЕОРЕТИК.

–Ужас! Я от страха мелко попукиваю, – так сказал Илья, выйдя из кабинета и глядя на кривой нож, которым размахивал один из грабителей у барной стойки, требуя отдать всю кассу. И тут же мгновенно получил от налётчика приветственную плюху по носу, за нахальство. А чтоб не умничал.

Официантки испуганно сбились в угол, порыдывая. Бармен, сжавшись, сидел на полу. Его колотила лошадиная дрожь.

– Звонили? – только и спросил Илья, взглянув на кучку всхлипывающих баб, и, получив утвердительный кивок, снова развернулся к отчаянным парням.

До спортклуба «Аврора» было 10 минут, и их следовало прожить.

– Деньги в кабинете, в сейфе, – миролюбиво сказал он, – давай схожу, принесу, а ?

Пьяный грабитель чуял подвох, отпускать не хотел, и идти вместе с Ильей тоже не решался, не забывая периодически поколачивать свободной от ножа рукой по Илюшиной физиономии. Второй, суетливый, тоже с ножом в руке, стоя на стрёме, у дверей, поторапливал. Торговались нудно. Время ползло как капля по стеклу. Илья не был боксёром, и обоснованно опасался, что за десять минут такого активного времяпровождения его лицо может деформироваться в грушу. Дону не понравится его новое амплуа.

Услышав подозрительный грохот, ноженосец отпустился от шевелюры Ильи и обернулся. В дверях стояла пара крепышей, один держал за горло его подельника прижатым к стене. Подельник весело болтал ногами в воздухе, но излишне напряжённое выражение резко взбодовевшего лица с выпученными глазами, веселья не демонстрировало ; казалось, он семафорил руками пригласительные жесты к прекращению насилия и произвола; сияясь хрипеть, призывал к вечному и глобальному пацифизму, ощущая жаркую всеобъемлющую любовь к хиппи, вспыхнувшую в нём в момент отрыва от земли и прекращения доступа воздуха в немогучую грудь. Судя по бритой голове и кривому носу владельца держащей его опоры, тот являлся ярым и идейным антагонистом детей цветов.

– Брось нож, Чикатило, – спокойно сказал другой крепыш, приближаясь к нему неторопливо. Он открыл рот, собираясь матерно ответить, но ни ответить, ни пырнуть он не успел, сознание враз потухло, будто нажали кнопку «ВЫКЛ».

Илья одобрительно поднял вверх большой палец. Очки его были разбиты, платком он зажимал нос, пытаясь унять кровь.

– Приберитесь тут, – сказал он, – Хорош трястись. Достань быстро мне льда из морозилки. И этих тоже приберите, – приказал, обращаясь уже к качкам, – Спросите – кто навёл. Спросите так, чтобы УСПЕЛИ ответить. Нам надо будет что-то доложить дону.

И, приняв от бармена стакан со льдом, удалился обратно в кабинет.

Илья ненавидел понедельники.

*****

Интеллигент в пятом поколении, с детства он подавал надежды обмирающим от избытка любви родителям.

– Посмотрите на моего Илюшу! Он – гений! – с придыханием сообщала каждому встречному его мать, закатывая глаза от разрывающей её гордости за успешно выдернутую из неё зиготу. Глядя на сына, она была близка к приступу предкоматозного любовного инфаркта.

Илюша и вправду сочился талантами.

С шести лет он обыгрывал в шахматы всех папиных друзей, хоть на спор, хоть на время, и даже давая фигуру форы. Острый пытливый ум жаждал нового, он прочёл все книги в домашней библиотеке, стремясь, в поисках знаний, получить ответы на мучившие его вопросы.

В школе на литературе ему было скучно, география и история сильно отставали от его уровня, он прочёл про это уже давным-давно, а вот математику любил – получив отметку ниже пятёрки, искренне горевал.

Мама, консерваторский профессор, водила его на скрипочку, и музыку он ненавидел. Выводя часами заунывные рулады, он мечтал о настоящей жёсткой жизни суровых героев Джека Лондона, или о путешествиях, полных приключений, на корабле, плывущем на поиски сокровищ. Впрочем, зачастую он был согласен даже на жизнь Робинзона Крузо на необитаемом острове, только бы избавиться от кварт и терций.

Отличник, зануда и буквоед, в классе он держался особняком. В компанию его не звали, но и не били. Чудак, вечно улыбающийся школофил, живущий в своём мире фантазий, что с него взять? Одним словом, скрипоматик.

К восьмому классу подрос, и, возвращаясь из музыкальной школы, выбросил скрипку в помойку, сказав дома, что отобрали хулиганы. Решительно воспротивился покупке новой. Перейдя в глоссандо, угрожал, что запишется в карате и в альпинисты. Родители, представив его со сломанным носом, оторопели и отступили. Пусть бы только шахматы и математику не забросил. Все родители всегда были слепы.

А Илюша, начитавшись про рыцарей и джентльменов, рос романтиком. Проведя все свои годы за книгами, он решительно не умел знакомиться, и терялся при виде юных особ, не понимая, с какой стороны к ним подступиться, тем более, что в этом возрасте неуверенные в себе девицы держатся преимущественно стайками. Его тянуло к ним, как магнитом, но, приблизившись, он робел и молчал, не в силах переступить через юную застенчивость. Девчачьи капризы ввергали его в анабиоз, из которого выходил он только дома, за любимыми страницами. Он бы вызвал кого-нибудь на дуэль, чтобы понравиться даме, но, понимая, что бретёр из него так себе, да и пистолет куда-то запропастился, пасовал.

В старших классах увлёкся астрономией, за что его прозвали Звездочётом. Глядя в звёздное небо, он мечтал, и мечты уносили его далеко ввысь, уносили от монотонной жизни, от серых соседей и тупых одноклассников. Мир множества миров манил неизведанностью и бесконечностью непознанной Вселенной, вероятными загадочными существами, возможно обитающими в закоулках за углом галактики. Там, в мечтах, только и начиналась настоящая жизнь.

Он становился непобедимым рыцарем, грозой турниров и удачливым кавалером, окружённым преданными друзьями.

Он рождался королём, и храбрые подданные восхваляли его, а жалкие враги трепетали перед ним.

Романтическое воображение услужливо пряло дивную прядь нежнейшей дружбы с чаровницами, и эротические сцены из полутёмных, освещаемых каминами залов друоновских замков, готовно всплывали в памяти, ухудшая сон и оценки.

В 16 лет все девушки кажутся желанными красотками.

Вот так он млеял и томился в одиночестве, среди книг, цифр и нот, среди манящих к себе звёзд, мечтатель и звездочёт, наполненный великими идеями и книжными идеалами.

Он напоминал незрелый плод.

Илюшин папа был большой шишкой по профсоюзной линии, и желал принять посильное участие в обустройстве сына.

Но сын, участвуя во всех математических олимпиадах и уверенно беря призовые места, сам проторил дорогу на матмех, и действительно, легко туда поступил. Проучившись полтора года, и начав разбираться в жизни чуточку лучше, он понял, что девочки, в основной своей массе, любят цифры, только если они напечатаны на купюрах, вишнёвые девятки не дают в виде приза за доказательство теорем, да и рестораны почему-то не переполнены бравыми математиками. В них гуляли по-настоящему дикие волки, крутые перцы.

Тогда все хотели в мафию, это было синонимом успеха. Сформулировав чёткие начальные условия, он приступил к решению задачи.

Вот так он и пришёл к дону. В течение пары часов разносторонней беседы Илюша смог произвести наиболее приятнейшее впечатление. Дону всегда нравились неординарные люди, сильных кругом было – хоть отбавляй, не хватало умных, вопрос был только в том, не подведёт ли? Илюша заверял, что не подведёт, и получил свой шанс.

Являя резительный контраст с окружающей его бандитской братией, долговязый, слегка неуклюжий, в сползающих круглых очёчках, которые он беспрестанно поправлял указательным пальцем, он повёл дела с невиданным доселе размахом; тщательно ревизовав все предприятия, входившие в сферу влияния дона, он выстроил эффективную конструкцию, имеющей целью исключительно извлечение прибыли. Деньги потекли непрерывным, всё более полным потоком.

– Давай посмотрим правде в портмоне, – была его любимая фраза, и он сумел сделать её девизом для всех.

Он первый осознал, что сила – лишь один из инструментов для получения экономического могущества, и первый начал изменения, позднее взятые на вооружение по всей стране, – из мелких, пусть и грозных, опасных, но разрозненных бандитов создавать сплочённую и могущественную Организацию.

Корпорацию.

Мафию.

В отличие от спортсменов, он прекрасно понял, что в бизнесе не дают почётных грамот и медалей. В бизнесе есть только деньги.

Нужно принуждение.

Раньше как было – деньги у кого-то вытрясли, отобрали, поровну разделили, пропили и капут. Ищи следующего буратину. Такая простейшая бизнес схема не нуждалась в инвестициях, да и слов-то таких никто не знал. Начальный капитал любой бригады состоял исключительно из бандитских рож, и определялся качеством и количеством шрамов и поломанных фрагментов на владельце конкретной рожи. Это были, так сказать, ихние средства производства.

С обрушением коммунистической империи, партсекретарей, в основной своей массе – краснобаев и пустомелей, агитирующих за Маркса, труд, мир во всём мире сменили люди дела. Они смотрели на мир другими глазами. Он был нужен им лежащим навзничь у ног.

Проблема было в том, что рэкетиоров было пруд пруди буквально в каждом дворе. А зарабатывать деньги было некому, да никто и не хотел, при явных рисках в любой день лишиться всего заработанного плюс здоровья. Ну, или минус здоровья, как считать. В любом случае, когда на одного предпринимателя по пять рэкетиоров – это слишком, доить корову до слипшихся боков, конечно, можно, только выйдет – недолго.

Определив и очертив круг интересов дона, было решено никого более в них не пускать, но и к другим в их дела, в их интересы не лезть.

Была выстроена стратегия, охватывавшая все сферы – в первую очередь, конечно, кадры; тщательно просчитаны и разведены финансовые потоки; налажен должный контроль и даже выстроены связи с общественностью.

Илья просчитал экономику бизнеса, как в шахматах – на десяток ходов вперёд и выстроил схему, выводящую боевые отряды на качественно иной, недостижимый никогда ранее уровень, и объединил в одну структуру, в один кулак.

Дон утверждает бригадира и выделяет ему некую определённую бизнес-структуру. Кому-то доставался магазин, кому-то отель, кому-то банк, впрочем, новички начинали с нескольких палаток, с мини-рынков, или с далёких областных центров.

Бригадир самолично отбирал себе бойцов, желающих улучшить свою жизнь и делил получаемую прибыль исключительно по заслугам, по справедливости, при этом каждый боец имел назначенную долю с общего дела. Половина доходов сразу уходит наверх, к дону, за защиту от закона, за безопасность, на дальнейшее развитие и на поддержку попавших в беду.

Бригадир сам отвечает за порядок на вверенном ему участке и за каждого из своих подчинённых.

Никаких этнических или имущественных предрассудков. Меритократия в действии.

Карьерный рост осуществляется пусть не мгновенно, но обязательно. Чем ты смелее, решительнее, эффективнее – тем быстрее движешься к власти, тем больше денег течёт в твою сторону. И даже начав с нескольких палаток, было множество возможностей для движения вверх. Организация давала тебе всё.

Премии мгновенны и достойны. Наказание – сурово, неотвратимо и реально.

Деньги важны, но это не главное.

Статус предпочтительнее, ибо приносит деньги регулярно. Большинство из них были солдаты или спортсмены. Чемпионам и победителям ничто так не греет душу, как заслуженное уважение окружающих за твои свершения.

Никакой бюрократии, никаких собраний и никаких отмазок. Виноват – получи.

Жёсткая иерархия, жёсткая дисциплина, жёсткая справедливость.

Авторитет старшего непререкаем. Не нравится – иди охраняй стоянки.

Предательство непростительно. Спрятаться предателю не удастся нигде, разве что среди рыб. Но это не сильно отличается от альтернативного варианта.

Бесшабашная удаль, не приносящая материальный интерес, не только не приветствуется, но зачастую серьёзнейшим образом карается, ведь за разрешение последствий приходилось платить, и задействовать множество связей, чтобы опосля выгородить удальца от ответственности.

Дрязги и междоусобные войны наказуемы с излишним пристрастием. Хочешь повоевать – одевай перчатки, или какая там у тебя амуниция, и – на ринг. Другие войны убыточны, а за кровь, вероятно, придётся платить тоже кровью. И если тебя признавали зачинщиком, то дело твоё плохо, всегда проще справиться с одним зачинщиком, чем перессориться со всем городом.

Когда-то – поступки, желания и ответственность – всё было сугубо личным делом каждого.

Это эксклюзивно Илюшина заслуга, что ему удалось создать единый организм из множества индивидуумов, и огромного множества, и почти каждый из них был великой личностью, в своём, разумеется, деле, умеющим решать проблемы самостоятельно, а зачастую и в одиночку.

Наитруднейшая задача заключалась в управлении упряжкой великих, в балансе сил.

Однако внедрённая им в употребление экономическая общность оказалась чрезвычайно проста и несказанно эффективна, все, вплоть до последнего бойца заметили, что дела резко пошли в гору.

Да, конечно, и эта общность базируется, не в последнюю очередь, на дисциплине, на страхе. Это не правда, что на убийствах, хотя и без них не обходится, но они, скорее, крайние меры, о них сожалеют. Но выполняют безжалостно. Понимая, что иногда работает просто пищевая цепь. Или ты или тебя. Проза тех лет. Мы все тут собрались не на ярмарку фермеров, яйца продавать.

Будь решителен и эффективен, предан и послушен, трудись, и – богатей!

Людям присущи инстинкты, и основной – это самосохранения. Поэтому, все негерои, мгновенно, или, самые упёртые, по размышлению, но – отступают. Это и есть страх, позволяющий обходиться без излишнего изуверства и приносить дополнительные доходы своей Корпорации, в которой доля, прямо или опосредованно, была у каждого.

Умница и эрудит, он имел представление о том, как устроен мир в действительности, в отличие от спортсменов, истративших юные годы на побитие чужих морд и рекордов, на чтение не имевших ни времени, ни желания, но надо, справедливости ради, признать, что некоторые из них, самые продвинутые, охотно листали «Бодибилдинг» Джо Уайдера.

У него хватало ума не лезть с ними в конфликт, и хватало такта, чтобы терпеть их шуточки. Правда со временем, когда де-факто он стал при доне отвечать за всю экономику, шуточки стихли, он превратился в Илью Константиновича для всех.

– Все тут – блатные, один я – нет, – иронизировал Илья. Сарказм зашкаливал в этой фразе за сто процентов.

Дон был крайне доволен, получив прекрасную возможность сидеть в тени, общаясь с политическими воротилами и городской верхушкой.

Споро организовав крышевание на коммерческой основе, он зорко следил за вновь открываемыми бизнесами, успевая подмять их под себя раньше конкурентов.

Как полководец на поле битвы, он скрупулезнейшим образом планировал операции и двигал бригады как боевые дружины. Каждому было найдено применение по способностям. Основная проблема, чтобы не оттоптали ноги друг другу.

Несметные бригады ширококовских шли авангардом, при затруднении подключались невозмутимые борцы, уверенные в себе настолько, что их было ничем не вывести из себя, об любого из них можно было ломать коромысло, десантники стояли особняком и были в резерве. На случай непредвиденных обстоятельств имелась поддержка среди законных представителей силовых структур.

*****

Войдя во вкус, Илья проворачивал операции, от которых захватывало дух.

Простейшее и элегантнейшее решение заключалось не в поиске золотой иголки в стоге сена, но – в создании золотого стога. А лучше – стогов.

Заведя себе для консультаций друга в Институте нефти, доктора наук Отто Максовича, который словоохотливо просвещал в нюансах сырьевой экономики своего молодого, приятного, хоть и непьющего собеседника, подливавшего ему виски щедрой рукой, Илья понемногу вникал в суть основного рынка планеты. Отто Максович вообще любил бывать в баре после научных изысканий и утомительных совещаний. Подшофе доктор наук, ссылаясь на «нашего человека в Катаре», представая в образе Штирлица, с очень длинными руками, объяснял Илюше, как устроены процессы нефтедобычи, принципы ценообразования, и влияние поли-

тики на отношения с людьми Востока; при описании арабов язык его становился сплошь ненаучным. Официантки, подносящие закуски, краснели густо и убегали резво. За пару месяцев Илья стал экспертом по нефти, ненамного уступающим многочисленным сыновьям шейхов.

Освоившись и разобравшись, кто есть кто в этом мире, он, заручившись согласием конкордиума главарей, начал продажу паёв в богатой залежами земле.

Умело распускаемые через парикмахеров и официанточек слухи, наколки нужным людям от проституток, с обязательным диким блеском в глазах, и намёки что-то знающих таксистов делали своё дело. Вскоре вся продвинутая часть города знала о грядущем скором истощении нефти в мире, в связи с бесконечными проблемами в Персидском заливе, где шейхи строят себе сказочные дворцы, и разворовывают все бюджеты, вместо инвестиций в дальнейшее развитие, и проматывают и растранижают остатки неразворованного в Лондонских и Парижских бутиках, скупая повсюду недвижимость и отправляя на учёбу отпрысков за шальные нефтяные охрениарды.

Да ещё их бесконечные перевороты по всей Арабии, где сыновья вырывали трон из-под ещё живых отцов, казня дядек и братьев, в схватках за обладание «чёрным сокровищем», а их министры, визири и евнухи, в свою очередь, отгрызали власть у них самих, временно отъехавших за одобрением и гарантиями безопасности в Америку.

И вот, под руководством лучшей в мире группы геологов, не на Северах, а прямо в самОй в нашей области, были разведаны и официально подтверждены гигантские месторождения сланцевой нефти, а под патронажем секретной лаборатории Института нефти разработана новейшая технология подземных ядерных взрывов, результатом чего будет целый океан доступной нефти, нуждающийся для скорой продажи только в невообразимом количестве буровых вышек, больших труб и железнодорожных цистерн, и уже утверждается на самом высоком уровне план-проект о разработке недр на частные деньги, и уже выделены паи в этой нефтеносной земле.

Для своих – появилась возможность стать пайщиком и жить безбедно на Гаити, на доходы от нефтеренты.

Стать своим резко захотелось всем.

На всех не хватало, и об этом знали. Нефть во все времена вызывала нездоровый интерес.

Мелкие фарцовщики и валютчики, рыночные спекулянты и базарные торговцы, комсомольцы и недобитые ими буржуи – матёрые цеховики, эстрадные певцы и ресторанные каталы, челноки и первые частные банкиры – всех обуяла алчность.

Насчёт урвать – тут они были на коне, впереди друг друга на полшага. Осознавая, что богатство ускользает из-под носа, памятуя о вчерашнем тотальном дефиците, самые предприимчивые из них, наперегонки, толкаясь локтями, ринулись в одну узкую дверь, суя деньги всем по пути, за рекомендацию, за сводничество, за вход к нужным людям, за место в очереди, за участок побольше. Чепуха, потом всё окупится ! Главное – успеть схватить ! Никто не хотел оказаться последним в очереди. Цена займов в городе взлетела до небес. Нарождавшиеся, под Илюшиным же патронажем, ломбарды – резво богатели.

Давать в долг другим, даже друзьям – отказывались, имея уникальный случай самому озолотиться за счёт закровов родины. Никто не хотел прослыть идиотом, упустившим единственную в жизни возможность взлететь в цене до уровня лордов и шейхов. Такой возможности страна не предоставляла своим гражданам со времён покорения Сибири Ермаком. Если уж это не настоящий шанс на богатство, то что же такое настоящий – никто и знать не желал.

Специально нанятые аналитики, успешно изображавшие прорицателей, из всех утыгов чревовещали о вечном спросе на нефть, оперируя непонятными, но заманчивыми терминами – фьючерс, баррель, фрахт, и главным – ДОЛЛАР, вызвавшими в незрелых, советских, в сущности, головах сладостные грёзы.

Психология толпы универсальна во все времена и при любом строе. Город, насыщенный слухами как суп, булькал и кипел. Покупка на слухах всегда выглядит одинаково: нечто стоит рубль, а должно бы стоить сто, просто это не до всех ещё дошло, и хватай попроворнее сегодня, а то завтра вздорожает до небес, никто не знает – почему, вот хоть убей ; значит – брать надо !

Обильными водопадами в их разгорячённых мозгах лились доходы, наконец-то за огромный риск и непосильный труд пришло настоящее процветание, которое можно было передать не то что детям, а и внукам.

В развалившейся стране тотальной лжи, у всех, ранее разумных, а ныне возбуждённых сверх всякой меры спекулянтов, объяснимо чесались руки для фартового заработка и достойной пенсии, но хоть бы кто задумался, что вообще он знает о нефти, и озаботился бы тогда уж покупкой труб или на худой конец, насосов!

Слух разросся, размножился и зажил своей жизнью: потушить этот пожар было уже никому не под силу. Единственный способ прослыть не с улицы, а знающим и вхожим – это показывать свою осведомлённость; о договоре сокращения ядерного оружия с США эти знающие люди говорили, что нужно очень много ядерных бомб, чтобы добраться до «чёрного океана» и лишь поэтому и согласились наши на сокращение ядерного оружия! Это придавало весомость словам говорившего, затуманивало околотронным флёром; можно было подумать, что он носил чай на заседания членам Политбюро.

Сказочно разбогатевшие главари не успевали считать поступающие за пай деньги. Дела шли настолько хорошо, что это уже становилось плохо. Основной заботой стало оградить от участия в нефтяной лихорадке поддавшихся нездоровому интересу собственных бойцов, не навредив при этом общему делу. Прямой запрет не работал, раскрывать же подноготную для широких кругов сочли нецелесообразным. Это привело к возникновению множества раздоров впоследствии, но об этом – совсем другая история.

Надо сказать, что все, кто вложил деньги, действительно получили по паю в куске земли. Но никто из пайщиков так никогда и не изъявил ни малейшего желания или умений начинать бурение.

Ребята, понимать надо ! Тогда ещё только-только зарождалось ОАО Газпром, а на слуху было Министерство газовой промышленности. И не было в те годы Интернета, а узнать – есть ли тут у нас в области нефтяные вышки, и много ли – было не у кого. А отправить в область человека посчитать или поискать буровые? – никто из пайщиков не счёл важным, настолько все были уверены, что являются чрезмерно хитроумными инвесторами, а вовсе не зараженными нефтяным безумием маньяками.

И кому тогда был нужен океан сланцевой нефти, когда и обычную то некуда было девать по 10 долларов за бочку ?

Возможно, кто и додержал эти пай до сегодняшних дней, когда нынешние технологии «гидроразрывов» уже обогнали все прошлые самые смелые фантастические предсказания.

Гениальный Илюша, как всегда, опередил время лет на двадцать.

Страсти тихо улеглись. Пайщики сложили свои ценные бумаги в дальний ящик стола, и занялись той работой, которой и занимались до того, как внезапное массовое помешательство на лёгких нефтяных деньгах оторвало их от привычной рутинной работы по накоплению богатства.

А Отто Максовича, в благодарность за труд, ошастливили дипломатом, полным наличности, и впихнули общими усилиями на высокую должность в правительстве, переименовав, среди узкого круга посвящённых, в Баксовича.

*****

Илья, снискав для себя заслуженное место в криминальных кругах, продолжал разрешать все вновь возникающие проблемы, разыгрывая свои любимые гамбиты. Его непоседливый ум не терпел бездействия, но и при действиях – не приемлел грубых решений.

Один заезжий авторитет, набрав силу на обирании соплеменников, обзавёлся горсткой боевиков, таких же горячих южных парней. Произошло неизбежное, мало-помалу они начали наглеть, позволять себе лишние слова, не переходящие, впрочем, к действиям, но это лишь вопрос недалёкого времени, ибо, не встречая в ответ пальбы, ребята уверовали в безнаказанность, а, возможно, что и в бессмертие, и похоже, единственное, что они понимали – была демонстрация силы. Это нельзя ставить им в вину, всего лишь издержки трудного детства. Конечно, не было бы никаких затруднений решить с ними вопрос согласно их собственным традициям, но это бы нарушило хрупкий мир, и вступало в явное противоречие с принципами всеобщего экономического благоденствия, поэтому Илья, посоветовавшись с доном, провернул довольно остроумную операцию. Среди бела дня, к обедающему в окружении приближённых в люксовом ресторане в самом центре авторитету, подошёл официант с вопросом, не его ли Мерседес на стоянке горит? Выскочив, потрясая оружием, на крыльцо, южане увидели неприятную картину; в метре от хозяйского Мерса задорно горел пионерский костёр, а в нём лежали пара обуглившихся куриц на вертеле. Намёк был прозрачен, не сочтён за оскорбительный, а потому понят и принят. Приезжие стали вести себя заметно потише, вертаться, в основном, среди торгового люда из собственных сородичей. Это было их внутренне дело, и уже не касалось дона.

*****

Он плохо кончил, книжный мечтатель.

Его постоянный офис был в баре, ему нравилась царящая вокруг суэта, нравились новые знакомства, и сам бизнес тоже нравился. Насмотревшись на пьяные морды посетителей, некогда, ещё с утра, бывших адекватными разумными людьми, он вспылал аллергией на спиртное, вплоть до полного его физического неприятия.

Но не сумел избежать наркотиков, бича золотой молодёжи тех лет.

Всё началось с якобы невинной травки, потом перешёл на кокс. Эта дорога всегда ведёт в одну сторону, и не знает исключений. Никто не продаст вам обратный билет.

Дон долго отказывался верить в происходящее, вызывая изумление приближённых, но потом, осознав горькую правду, ввязался в бой, как за собственного сына.

После проведённых по его приказу акций устрашения и возмездия, наркоторговля пошла на убыль, ей был нанесён болезненный удар. Опросив участковых, выявили и разнесли в щепки пару десятков притонов. По всему городу ловили наркодилеров и ломали им ноги и головы. По пути успевали избивать и ломать рядовых наркоманов, раскладывая их по больницам, кого – в хирургию, кого в ортопедию, давая возможность пережить ломку насухо и соскользнуть с крючка.

Крепкие парни доносили до низов строжайший запрет на торговлю любой дурью.

Провели молчаливую акцию в цыганском посёлке.

Зрелище было что надо! Полтысячи спортивного вида парней, затянутых в чёрную кожу и с бандитскими физиономиями, молча стояли, не выражая агрессии, не предъявляя никаких требований.

Цыган смыло.

Наркош ломало без доз, они, неприкаянные, ходили вокруг, прячась по кустам.

Менты, рассевшись по машинам, не вмешивались.

Всё было ясно без ненужных слов.

Постояв и помолчав пару часов, цивилизно разъехались.

Но даже такими мерами дон не сумел справиться с сверхдоходной наркоторговлей, захлестнувшей всю страну словно цунами, крышуемой алчными ментами, не разборчивыми и не придерживающимися никаких принципов. Удар, к несчастью, оказался не смертельным.

Война не была вовсе тщетной, но всемогущий дон проиграл. Скрепя сердце, он признал поражение.

Илюшу отстранили от решения всех вопросов, ему было более не по силам справляться с делами, но за былые заслуги – оставили доходы от бизнеса. Вероятно, наличие денег его и сгубило.

Спустя год бывшие подчинённые встречали его, со слезящимися глазами, бормочущего что-то маловразумительное торопливой сбивчивой речью, вечно трущим красный нос и завишающем на полуслове невпопад.

Образно говоря, по меткому выражению дона, он убил себя носом об стол.

Он мощно и ярко начал, и высоко взлетел, но он скверно закончил, мечточёт, шахмоматик, романтик– идеолог первой постсоветской постсоциалистической мафии.

ЧАСТЬ II. СТАС

ОДИН ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ.

Ростом в сто шестьдесят, он в двух других измерениях был примерно по метру, и производил впечатление слегка неправильного квадрата. Его так и звали с детства – Стас-Квадрат.

А вообще родители назвали его Станислав Широков.

Он успел с детства позаниматься понемногу боксом, борьбой, самбо и рукопашным боем. Понемногу – потому что всюду ему безуспешно пытались, и никак не могли найти постоянного спарринг-партнёра. Все бои с ним заканчивались до утомления предсказуемо. Двое пыхтели, сопели и топтались на матах, пока Квадрат не умудрялся звездануть соперника своей колотушкой. Обычно на этом бой были вынуждены прекратить. За отсутствием у одного из соперников признаков жизни и сознания, а именно в сознании и заключаются и духовитость, и воля к победе.

Замерив его удар, выдавший виды тренер аж присвистнул, триста тридцать килограмм – не шутка, словить такую гирию в полёте собственной физиономией. Так то была ещё юная юность. Заматеревший Квадрат набрал вес и опыт, был двужилен, абсолютно лыс, с ручками, толщиной с бревно, за что и получил с возрастом новую кличку – ШРЕК.

И знаменитый, убийственный удар свой он отточил уже не на ринге, а в родном районе, благо ищущих приключений тут у нас всегда навалом. Не будем от вас скрывать, что в районе, где Квадрат жил и имел обыкновение гулять, с течением времени большинство искателей приключений стало калеками. Но такова их нелёгкая флибустьерская судьба. Что ж поделывать, хочешь быть пиратом улиц – готовься ставить на карту и свою жизнь, и своё здоровье.

Как говорит беспристрастная статистика, для нокаута человеку нужен удар в пятнадцать кг при правильном попадании. А когда в любителя острых ощущений прилетает полтонны – точка приложения уже не важна. Вот и полно вокруг беззубых, безмозглых, безрёберных, но больше всего, конечно, безбашенных. Стрясти кукушку – для него было привычным делом. А и чего там и стрясывать-то у большинства ? Контингент пингвинов. Кепку на затылок, щёчки напыжил, ножки врозь, во вторую позицию, и вразвалочку пошёл, пошёл, с сигаретой, по-блатному висящей на губе, в вечном поиске отказавшихся дать закурить, с обязательным «Да ты кто такой?» и неизменном окружении приبلудившейся своры, для форсу, да и страшно одному, да и рисовка требует зрителя.

А тут навстречу, – «Ба-а, здра-авствуй, Маня-облигация!» – лысый толстячок – чего же над ним не поглумиться ? Толпой-то ! Шрека ещё в армии натаскали – бей в лидера, шавки

сами разбегутся. В общем-то, инструктор был прав, Стас, не страдающий излишней сентиментальностью, с убийственной реакцией выстреливал рукой как из пушки, страждущий закурить мгновенно терял пагубные желания и сцепление с землёй и покорно занимал упор лёжа, стучась головой об асфальт, что только добавляло силы этому, не вполне медикаментозному, наркозу. Обозрев картину, как их, такой грозный, предводитель валится подрубленным деревом, и мгновенно освоившись в новой реальности, свора резво рассеивалась, никто не стремился занять призовые вторые-третьи места, вслед за лидером падения.

Зато авторитет Шрека стал с годами непререкаемым. К нему шли за советом, за справедливостью, за помощью. Потом появился в его жизни дон, а с ним и спортивный клуб «Аврора», служивший для Стаса бесперебойным поставщиком молодых талантов, снискавший себе грозную славу, и не только на спортивном поприще. С годами число людей, относившихся к его команде, перестало поддаваться исчислению. Быть «широковским» стало большой честью и признаком высшей касты. Они давно перестали быть просто уличными бандитами, превратившись в прекрасно организованную, уже почти военную структуру, жёстко управляемую, мобильную и опасную.

Шреком его называть никто уже не решался. Он практически не поменялся, вознесясь на самый верх, и одинаково говорил что с ворами, что с поварами. Но повторять не любил.

И об этом помнили все, ещё бы ! Да разве ж такое забудешь !

*****

Приятный по-летнему тёплый вечер млеющей прохладой окутывал утомлённые длинным трудовым днём тела. Мирно шедший домой Стас был тих, умиротворён и дружелюбен, как сытый сонный крокодил, и настроен на положенный ему отдых. Он предвкушал, как неторопясь....

Впрочем, вернёмся к предыстории.

Утро его было ничем не примечательно и началось бессобытийно, что уже должно было послужить первым тревожным звоночком. Но нет, старый лис был расслаблен и ничего не ёкнуло у него внутри. Говорят же вам – обычный день....

В числе прочих, обязательных в жизни видов осмысленной человеческой деятельности, таких как наведение должного порядка в подконтрольных ему районах, сбор положенной дани с точек и рынков, забот по взысканию безнадёжных долгов, удержанию в узде распоясавшихся «быков», понимающих только большую силу и железный кулак старшего, да и собственно самую важную работу, по обеспечению безопасности личности дона, Шрек осуществлял контроль за принадлежащими дону продуктовыми магазинами. Эта ляпка была ничуть не легче. По правде сказать, он с удовольствием выкинул бы к чертям магазины из головы и поручил бы их кому другому, ибо торгашом сроду не был, скорее наоборот, был из числа тех, с кем торгаши желали бы встретиться в последнюю очередь. А лучше всего и никогда не встречаться.

Он охотно разделял эту их точку зрения, правда, со своей стороны. Но – работа есть работа – выбирать не приходится.

Стас был философом, в глубине своей железной души.

Приехав в головной магазин всей сети, и проверив наличие личного состава колбасно-рыбно-молочных продавщиц, произведя придирчивый личный осмотр, лениво пролистав приходные книги, Шрек совсем было затосковал. Суета и снование не трансформировалась в подвиг. Что может быть скучнее, чем считать деньги ?

Он решил поработать с кадрами. Это всегда не повредит, авось и узнаешь что-то полезное. И потянулись в его кабинет сотрудники вереницей, жаждущие отвести гнев от себя, а для этого было необходимо поведать шефу тайной службы что-то существенное о товарищах и товарках. И вновь ничего достойного немедленного ответа не было добавлено к багажу его знаний.

И лишь последняя, заведомо Неля, открыла великую тайну, что Мишаня-грузчик, как бывший подводник, нагрузился с раннего мартовского утра по случаю этого самого Дня Подводника. После чего и произвёл внеплановое погружение. В пучину грёз, низину снов. И на команды всплытия из оной не реагирует. Посылая всех командующих отнюдь не в Красную Армию. Старая русская традиция. Радость за отчизну, и солидарность моряков. Ну, вы понимаете, о чём я.

Настучавши на грузчика, заведующая опасливо удалилась в торговый зал. Всегда полезно наблюдать за боем находясь вне ринга.

Надо проверить её отдел, стопудово там не всё в порядке, машинально отметил про себя Стас, но ситуация, тем не менее, требовала незамедлительной реакции и показательной порки. Для поднятия соревновательного настроения в коллективе. Надо учесть, что густо сконцентрированные в одной точке идейные борцы за полные карманы не видят никаких моральных препятствий для достижения своих меркантильных целей. И что можно придумать для их мотивации лучше, чем живой пример с наглядной агитацией ?

Стас пошёл искать забуревшего грузчика, но найти его не удавалось. Наводящие вопросы к продавцам оставались без внятного ответа.

Руками разводили, глаза прятали, детьми клялись. То есть ввали. Покрывали, значит, невзирая на ! Обезрассудел коллектив.

Квадрат чувствовал, как злоба постепенно захлёстывает его, клокочущей лавой выплёскиваясь в окружающих. Окружающим в такие минуты было полезно сохранять безопасную дистанцию. Желательно за горизонтом видимости. Чтобы не попасть под выброс лавы. Окружающие, не теряя времени даром, поспешно пропадали за горизонт, испытывая предоргазмическое удовольствие по завершении скрывания.

Грузчик Миша работал третий год, и лучше других уже успел познать истину про горизонт видимости. Его не было ни на горизонте, ни за ним.

Русский мир построен на стукачестве. А мир торговли, особенно продуктовой – тройне. Продадут за полцены. И за половину от полцены охотно. Миша был выдан намекающим жестом вглубь тёмного угла. Выдавшая была вознаграждена по заслугам. В качестве благодарности её перевернули обратно на ноги. Шрек славился справедливостью.

Грузчик был извлечён из-за углового холодильника, помогавшего ему сохранять вертикальное положение, отдалённо напоминающее хотя бы растение. Ибо животные – те хотя бы мычат. Мишаня же не мог соответствовать даже этому критерию. Только кивал, стало быть, – соглашался. Значит, растение. Такой вот экземпляр человекоподобного винограда, на зависть Лысенке. Судя по всему, Мише таки удалось воспоследовать заветам великого селекционера, и скрестить свой геном непосредственно с дрожжами.

Бить его здесь и сейчас не имело ни малейшего смысла. С таким же успехом можно было тренироваться на боксёрском мешке, ожидая от него (мешка) приступа просветления и осознания, с последующей рефлексией (мешка же) по поводу собственной ущербности и неправоты, с извинениями и заверениями – «Больше – ни глотка, кладу ухо на отрез !».

Крепко взяв пьяное тело за ухо, Стас волоком потащил его по лестнице в подвал. Ноги Мишани беспомощно колотились об ступеньки. Не оторвалось бы, – недовольно пробурчал он.

Всё пережившие бабы ахнули.

В подвале располагался алкогольный склад и мясной цех, где разделявали на гигантском пне привозимые мясные туши.

Предположений, что Мишу несут поближе к спиртному, чтобы попотчевать в виде премии добавочной рюмочкой, ни у кого, понятным образом, не возникло.

Шеф никогда не был жаден. Но мысль, что Мишу пригласили для продолжения банкета, находила явное опровержение в небрежном способе доставки этого предполагаемого банкета до места гульбы.

Через десять минут Шрек поднялся из подвала и настрого рявкнул запрет на посещение нижнего этажа. В магазине установилась мёртвая тишина, в которой слегка сквозили обрывки похоронных ноток. Легковозбудимая женская интуиция рисовала кровавую картину ещё шевелящихся кусков Мишиной плоти, пытающихся отползти от разрубочного пенька, и зловеще хохочущего Шрека, с закатанными рукавами, в окровавленном кожаном фартуке, подхватывающего кончиком топора недорубленное и швырявшего обратно на пенёк для окончательного дорубания.

Рисовалось успешно. В красках.

Шрек, в роли неутомимой самоподзаводной гильотины ни у кого не вызывал ни малейших сомнений.

Топор, которым пользовались, и вправду был не мал, но в их фантазиях он напоминал о стрельцах, древних гигантах-викингах, и Зевсе с его двусторонним орудием, соответствующего его рангу размера, этак с пол-Олимпа. Конечно, это если бы они знали, кто такой Зевс с Олимпа. Они как-то больше слышали про Вову Орла с Вокзала и про Саню Шрама с Юго-Запада.

Ещё немного, и по магазину поднялся бы надрывный вой скорбящих плакальщиц. Их останавливало лишь выражение Шрекового лица, явственно говорившее, что вакантные места в подвале ещё остались, и он пребывает в глубоком раздумье, кем бы их заполнить, чтобы зазря не пустовали.

Эмоции приобретали поминальный оттенок в геометрической прогрессии.

Стас многообещающе молчал. Его злобное пыхтение и регулярный обег магазина выдавали тот факт, что он чего-то ждёт. Стас прекрасно знал ; нет ничего страшнее ожидания.

Особенно – неопределённого ожидания.

Разыгравшееся воображение несло торговых тёток всё дальше, им чудились входящие подручные палача, в золотых печатках и крутых кожанках, с бандитскими рожами и с чёрными мешками, в которые упакуют по кускам несортовые останки, чтобы вывезти и ночью тайком закопать в лесу.

Слово «Гестапо!» шелестело по магазину, опасливо оглядываясь, его перекатывали из отдела в отдел.

Потом кому-то из мойщиц пришла мысль о ненужных свидетелях, и она незамедлительно ознакомила с ней остальных. Работы у Шрека ощутимо прибавилось.

Потом о семьях ненужных свидетелей.

Если бы им дать волю и достаточно времени, к концу дня в их прекрасных головёшках Шрек без перерывов на сон и отдых дорубил бы уже добрую половину города. Подчищаясь от свидетелей.

Но, к счастью, бурная торговая жизнь быстро берёт своё. Тренированный жизнью, закалённый проверками торгаш неубиваем. Прагматичные мысли одолевали баб тоже. А кто теперь будет подносить нам со склада ? Так можно и без дневного приварка остаться ! Покупатель-то прёт и прёт, а товар меж тем уже на исходе.

Незадолго перед обедом из подвала начал доноситься отдалённый стук неясного происхождения. Обстановка из гнетущей скачком перешла в Конец Света.

Ой, всё !

Никак невинно убиенная душа просится наружу. Мистика мгновенно проросла паникой. Паника разгорелась как попавший в огонь кислород. И только Стас, на прощанье обведя всех взглядом, в котором с лёгкостью читалось презрение к роду человеческому вообще и теории эволюции в частности, невозмутимо двинулся вниз по лестнице.

В мясном складе, в минусовой морозильной шестикубовой камере, висели на жуткого размера крюках подвешенные туши, ожидающие разделки. Советский ГОСТ, ещё с давних времён предусматривает хранение при минус 18, но, учёный горьким опытом, Стас с самого

открытия магазина заставил мастеров отладить камеру на минус двадцать пять, для пущей надёжности.

Проявив невиданное для него милосердие, по случаю дня подводника, он не стал размещать Мишаню на крюк в первых, лучших рядах. Окончив процесс транспортировки, он просто свалил пьяное тело на пол морозильной камеры, задумчиво поглядел на воткнутый в пенёк топор, мечтательно вздохнул, и закрыл за собой дверь снаружи на висячий замок.

Теперь оставалось только ждать.

Время – великий лекарь. Особенно если имеет в помощниках лютый мороз.

Через два с гаком часа, заиндеветший по контуру, трезвый как младенец подводник, отчаявшись отворить дверь изнутри и отбив кулаки в напрасном позыве к свободе, вспомнив армейскую юность, отыскал в кармане ключ и стучал им по железным стенкам морозильника, выстукивая – «SOS»! очень «SOS»! Это глухое эхо и было принято впечатлительными дамами за загробные призывы неприкаянного грешника.

Выпущенный досрочным дембелем из зимней спячки, Миша сиял и лучился добротой. Он в полной мере на собственной шкуре осознал, отчего вымерли мамонты, и не стремился разделить их участь, тем более что его шкуре было далеко по шерстистости даже до самого плешивого мамонта. Атомные подлодки никогда не войдут в курс лечения проплешин. Кривой улыбкой на посиневших губах он демонстрировал радость от встречи и благодарственную приязнь за оздоровительный сеанс. Шутка ли, лично шеф уделил ему два часа своего драгоценного времени! Кося ошалевшим взглядом на рубленые куски в витрине мясного отдела, он, не доверяя собственным глазам, торопливо ощупывал себя непослушными руками, проверяя на предмет невозполнимых потерь. Не обнаружив оных, он воспрял, взорлил и принёс обет безбрачия. В смысле – трезвости. Отмороженный нос и одно ухо левой стороны, которой он прилёг на отдых на негостеприимный замёрзший пол, не казались ему чрезмерной платой за слегка подмороженную жизнь. Тем более, что другое ухо, за которое его и отбуксировали в освежающий релакс-кабинет, пребывало в полном порядке, хотя и распухло вдвое и горело задорным малиновым цветом.

Осознав, что пьянство, в отдельно взятом магазине, полностью искоренено, Стас убыл восвояси. Не прощаясь, как и положено высочайшему начальству. Его личные способы кодировки от пьянства были надёжнее любых разрекламированных и запатентованных. Он был абсолютно убеждён, что уже через час все остальные магазины огромной сети будут осведомлены о свершившемся возмездии во всех подробностях. А значит, его визиты туда сегодня будут излишними. Зачем нервировать коллективы понапрасну?

*****

Он ехал беззаботно, слегка крутя баранку и насвистывая Мирей Матье. Благодушный добрый бургер за рулём.

Увлечённый в мыслях вечерними планами, он неторопливо двигался правым рядом, и едва успел тормознуть, чтобы не торкнуть подрезавший его Мерседес. Тот, повелительно сигналивая, по-хозяйски влез перед ним. Квадрат тоже в ответ нажал на клаксон. Мерседес, вероятно оскорбившись в своих лучших чувствах патриция, по праву имеющего приоритет проезда перед назойливо шмыгающими плебеями, остановился и включил аварийку. Левая дверь распахнулась и из мерса вальяжно достал себя мужчина с довольно крупными габаритами.

Босс.

Портос.

Нет, скорее – Геракл. Вышедший «Геракл» полагал себя крутым мэном, он разминал кулаки и делал свирепое лицо. Надо сказать, что Шреково лицо тоже не заняло бы призовых мест на конкурсе всемирной доброты. Скорее, как раз наоборот. Если бы его поставить на тропу носорогов, то и носорог бы, внимательно оглядев Шрека, вероятно, пошёл бы в обход.

Но «Гераклу» было наплевать. Его унизило уже само присутствие этого неудачника на Опеле, да к тому же посмеявшегося побибикать в ответ !

Меня, блатного муравья, ...!

Шумно выдохнув, Стас попытался открыть дверь. «Геракл» препятствовал всем своим весом. А вес там был, и был даже немного избыточен. Дверь не открывалась. Тогда, приспустив окно (благо разумно, чуть-чуть, чтобы не пролез туда кулак) Стас миролюбиво спросил :

– Так ты же вроде меня ждёшь ? Вот он я. Дай вылезу, что ли ?

«Геракл» отодвинул свою тушу. Он вращал кистями, разминал колени и крутил талией. В нетерпении, он, сам того не замечая, даже подпрыгивал. Он готовился к бою.

Профессионал.

И всем своим поведением он показывал это. Попутно утрашая противника.

Он надеялся победить в первом раунде. Максимум, в третьем.

Для истории осталось совершенно неясным, чего он ожидал от Стаса.

Возможно, ему грезилось, что тот выползет из своей лохотачки и бухнется на колени, отбивая лбом поклоны. Мол, не губи, барин ! Прости раба грешного, нерадивого ! Последний раз, вот те крест !

А возможно, он представлял свой коронный удар слева под-дых и правой в голову, и снова слева, добивающий, а после, задрвав вверх обе руки, он с достоинством раскланивается в разные стороны над поверженным телом. Благогородно жалуется жизнь проигравшему гладиатору, плюёт через губу, и неспешно залазая в машину, ловит восхищённые взгляды влюблённых дам, небрежно хлопает дверцей и уезжает, с пробуксовкой.

Или, взяв за грудки, и приподняв над землёй одной своей рукой, учит обнаглевшего понаехавшего пейзажника правилам и понятиям, принятым в этом славном городе, и небрежно отшвырнув его на обочину, пинком закрывает дверь его корыта и .....

В общем, не сбылось. День был, что называется, не его.

Хотя про спешный отъезд с пробуксовкой можно было бы и повнимательнее подумать.

Вышедший коротышка не доставал ему и до плеча. Немного настораживал квадратный контур, но как следует додумать эту мысль он не успел. Квадрат, почему-то, не захотел дожидаться ни коронного под-дых, ни хватания за грудки. На колени он, впрочем, тоже не пал. Всё произошло чрезвычайно быстро, и никак не уложилось в рамки геракловой стратегии. В воздухе резко мелькнула чья-то рука, и это было последнее, на чём успела остановиться мысль внезапно потерявшего связь с гравитационным полем героя. Физики бы назвали это отталкивающей гравитацией. Асфальт принял его охотно, но не будем утверждать, что ласково. Ударив полной планов головой сначала, последовательно, в крыло своего лимузина, а затем и в дорожное покрытие, последнее, что зафиксировал «Геракл» – это коротышку, настырно скачущего по нему с энергией и ловкостью прыгуна на батуте. Но батут с каждым прыжком слышал хруст и меркнувшим сознанием явно ощущал, что ломают так страшно и хрустко эти, такие родные и любимые им кости.

Если вам скажут, что клиренс у мерса всего пятнадцать сантиметров, и это чрезвычайно мало для наших дорог – смело плюйте в говорящего. Сотни столпившихся вокруг водителей видели, как в этот клиренс ловкой ящерицей заползает существо, только что, при всех, расправлявшее крылья на метра полтора. И это был единственный его правильный поступок за текущий день. Забившись в щель – он стал невидим, недоступен и неуязвим. Дышать только было тяжело. Но это ведь всего первые минут тридцать.

Потом привыкаешь...

Альтернативой было просочиться сквозь асфальт, но мы же не будем клеветать на наших самых передовых в мире дорожных строителей, говоря, что дорога похожа на... в общем, на субстанцию, сквозь которую возможно просочиться ?

Копытом в грудь. И кто ? Бычье !

*****

Итак.

Приятный весенний вечер млеющей прохладой. ...

Припарковав машину, утомлённый длинным трудовым днём Стас шёл к подъезду. Переходя через газон, он услышал :

–Эй, ты, дай-ка закурить!

– Когда ж вы только накуритесь ? – с тоской подумал Квадрат, но лимит дневных приключений был уже исчерпан, и он мирно достал из куртки пачку Винстона.

– Слышь! – прохрипел настойчивый проситель, – А чё ты такую херню-то куришь ?

– Прости, царь, – отвечивал Стас, – Не богат я, вот на что хватает, то и курю. Зато, заметь, свои!

– Ну так ты иди работай тогда! Или воруй ! – не унимался этот триста первый спартанец.

Стас убрал пачку в карман. Он внимательно посмотрел прямо в глаза нахалу, косящего под любителя выкурить трубочку эксклюзивного табака, сидючи у камина.

Глаза подводили его. Он не увидел перед собой почтенного лорда, истинного джентльмена.

Он увидел воплощение снеговика. Сверху круглая жирная морда, под ней в три раза более жирное тело, снизу короткие, и опять-таки жирные ножки. Будь неимущий попрошайка трезвее, ну хоть граммов на двести, он бы протрезвел добровольно, не дожидаясь последующих оздоравливающих процедур.

Стас не желал ему зла. Стас стерпел. Стас хотел домой. И он совершил невозможное – он пошёл домой.

И сзади, внезапно, неугомонный забияка схватил его за левое плечо. Внезапно. Вот почему всегда так ? Что бы ни случилось, всегда – внезапно !

Вы видали, как чугунной шар-бабой рушат дома ? Рекомендую, посмотрите. Впечатляет. Вот примерно с таким же напором развернувшийся правый Шреков кулак попал как раз в левый глазик курильщика, знатока и ценителя элитных марок заморского самосада. Того прохватило почище дедовой махорки. Искрами, полетевшими из глаза, можно было бы прикурить всем окружающим, а потом, на оставшееся, ещё и осветить весь город. Примерно с месяц. Или с два.

Судя по последствиям, истощение энергии от излучённого света у курильщика было полным.

Ноги больше не держали его.

Под воздействием полученного импульса он, презрев все законы тяготения, летел горизонтально поверхности земли, летел как стелящийся туман, как выпущенный сизый дым, пока нестати стоящий поперёк баллистической кривой полёта вековой тополь не прекратил этот спонтанный сеанс левитации. Будь тополь помоложе, он бы не справился с задачей, а просто пал бы навзничь, выкорчеванный этим снарядом. Но тополь был в три охвата, и он устоял, и тем спас не только себя, но и снаряд. Неизвестно ведь, до куда бы долетел снаряд, правда ? А вдруг ушёл бы с орбиты и прости-прощай. ...

От такого удара об дерево могло выжить только само дерево. Остальные формы белковой жизни переходят в разряд кисельно-амёбного существования.

Благодарственно похлопав по натруженному кулаку другой рукой, отдав должное переданному им заряду бодрости и ускорения, владелец этих чудо-приборов уверенно зашагал к дому и был крайне озадачен послышавшимся сзади окриком:

– Эй, ты ! Стой!

Стас был в себе уверен и до окрика явно успел услышать треск ломающейся коры неохватного ствола дерева, под напором входящего в него инородного тела. Лом в воду входит с большим трудом. Стас был абсолютно убеждён, что инородное тело произвело с деревом

скрещивание, и для их разделения нужен искусный столяр-краснодеревщик, так как разобрать на первый взгляд – кто тут есть кто, не представляется лёгкой задачей. Ну, или, на крайний случай, опытный спасатель МЧС, который изумлённо спрашивает у курильщика – как тот сумел залезть головой в такое узкое дупло ? И зачем ? И, главное, какой стамеской его теперь оттуда выковыривать ?

Обернувшись на это «Стой!», Стас вспомнил фильм «Терминатор».

Держась за продупленное им дерево, приподнимающийся с колена толстяк вытягивал пистолет из своих необъятных штанин. Неудача не сломила его.

Разохотившийся Шрек с удовольствием поменял траекторию на противоположную.

Успею добежать, прикинул он на глаз расстояние до воскресшего внезапно киборга..

Но стрелок был уже гораздо опытнее, чем пять минут тому назад. Как говорится, за битого – двух небитых дают. Стрелок не хотел, чтобы за него давали четырёх небитых, а посему открыл огонь без предупреждения. Без засеваемой в голове мантры «Стой, стрелять буду !», он передёрнул затвор и выстрелил, норовя попасть в голову.

Ш-ш-ш-чах ! .....

Мимо !

Спасла расфокусировка зрения Вильгельма Телля, неизбежно возникшая при аварийной швартовке о тополиный пирс. Дрожащие руки, тоже выдавали факт того, что киборг был не высшей пробы.

Это утешало, но ненадолго, в магазине, возможно, было ещё семь патронов.

Раскачиваясь, подобно пьяному матросу на девятой палубе, при девятом же вале, Шрек несся навстречу осатаневшему, палящему в него охотнику.

Нырнув с разбега за благословенное дерево, Стас выскакивал оттуда, как чёрт из табакерки, успевая за секунду вывернуться от выстрела и отоварить оппонента ласковой вразумляющей оплеухой. Но состояние шока обычно таково, что люди поднимают руками каменные стены, прыгают через обрыв, и что на этом фоне какая-то оплеуха ?

Вот так, выныривая из-за разных сторон дерева, Стас на выбеге успевал по-звериному отпрянуть от выстрела в упор и треснуть, но – каждый раз не насмерть.

Насчитав шесть выстрелов, Стас приготовился к последним двум вылазкам, сладостно мечтая, куда и как он после затолкает этот пистолет.

Рукояткой вперёд.

И непременно поперёк.

На беду, этот полутораметровый шарик был не один. Он совершал вечерний моцион с женой.

В ней было сто восемьдесят ростом, и примерно столько же веса. Шикарная женщина. Рубенс бы всплакнул и задохнулся от чувств.

Привыкши во всём быть хозяйкой, она, не обращая внимания на пальбу, тихонько подошла сзади ихватила Шрека кулаком по бритому затылку. Это было, с её стороны, не просто не вовремя, это было вообще зря.

В помутнении рассудка, опасаясь, что сейчас его дострелят (два патрона же ещё осталось, это он помнил) Стас с разворота, не глядя, шарахнул нападавшего в челюсть.

Но в нападавшей расту было поболее, и его кулак попал в грудь. Там и утонул. Впрочем, этого хватило, чтобы нападавшая рухнула.

Не имея другой возможности для спасения единственного мужа, кормильца и добытчика, разъярённая фурия обхватила его за голени. Стас пытался вырваться, но безуспешно – захват, видимо, проходили с супругом и он был отработан до блеска. Питон, удушающий жертву. Для надёжности сцепления, не доверяя смертельным кольцам, она мгновенно вцепилась Шреку в голень зубами.

Стас взвыл как сирена-ревун. Мелькнула мысль про гидравлический пресс, представилась белая акула, намертво вцепившаяся в жертву, и пытающаяся оторвать кусок от неё, или дедовский стальной капкан на медведя.

Резцы сверху, резцы снизу. Крест-накрест. Он понял, что ногу он потерял от одного укуса. Её откусили легко, как банан.

Тут из-за ствола высунулся ствол, прошу пардона за тавтологию.

Ещё два патрона, подумал Шрек, и, прячась, скакнул за дерево. Но вы попробуйте скакать, когда у вас на ноге висит полтора ста килограмм бешеной говядины !

Нечеловеческим усилием он затянул себя, вместе с неожиданными кандалами, за дерево.

Ш-ш-чах !.....

Мимо !

Выпрыгнуть из-за дерева как ниндзя не получилось. Шрек тяжело вывалился, волоча за собой центнер, мёртво впившийся в конечность. Куда там бультерьерам! Буль, по сравнению с этим – ласково сосущий матку телёнок. С причмокиванием и поцелуйчиками.

И тут же присел под дуло, за секунду до вспышки.

Выстрел !.....

Мимо !

В распрямлении – хрясь стрелку в голову, и в укрытие.

Расстрелял всю обойму. Ни одного попадания !

Стас чувствовал, как стальные зубья намертво захлопнулись на его лапе, дробя кость. Пребывая в состоянии болевого шока, не вполне понимая, что же он делает, стремясь избежать мучительной смерти, он неначатой ногой сплясал чечётку на клыках саблезубого тигра.

С грацией бешеного мустанга отпинавшись от прилипалы, облегчённый Шрек вылетел к недотерминатору красивым гимнастическим прыжком и наконец-то вжахнул от души. Враг пал. Издав победный клич раненого в ляжку ирокеза, Стас впрыгнул на поверженное тело и скакал на нём пока не подъехала скорая. Он хотел утоптать негодяя вровень с крышкой канализационного люка. А когда на вас топчется остервенелыми прыжками добрая сотня килограммов, то тельце расплзается по дороге, как паштет на хлебе.

У прохожих создавалось ощущение, что идёт процесс нанесения на дорожное покрытие фигуры пешехода. Урок рисования. Телом по асфальту. Исходя из гуманистических соображений, следует признать, что рисовательный процесс не был преисполнен человеколюбия. Но после восьми просвистевших рядом с ухом пуль, согласитесь, извинительные мотивы наличествовали.

Слегка запыхавшись от однообразных упражнений, Шрек спрыгнул и глянул на зазевавшихся прохожих красными мутными глазами. Прохожие, заторопившись, потекли с ускорением. Они правильно восприняли огляд местности как поиск очередного кандидата, и ни один не изъявил жгучего желания влиться в столь увлекательный квест.

Обведя взглядом стрельбище, валявшиеся тела, раскатившиеся гильзы и оброненный бесполезный теперь пистолет, Стас почувствовал себя чрезмерно утомлённым. День подводника удался на славу.

Пора было исчезать. Оставив на память после себя ослепительную улыбку, Стас без промедления растаял в неизвестном направлении, слегка подволакивая надкушенную ногу. Несчастные врачи скорой помощи, осматривая кучки человекообразных останков, с трудом пытались понять, возможно ли из разрозненных фрагментов будет собран осмысленный пазл, и стоит ли тратить время на реанимационные мероприятия. Гуманность победила. Врачи, они такие !

Тут как раз подросла и вызванная милиция. Гнусно матерясь, они отыскивали и выковыривали пули отовсюду, пока не стемнело. Одну так и не нашли.

Вот такие салки.

*****

Млеющий вечер был безнадежно испорчен.

В довершение всей истории, этот ковбой оказался майором из местного отделения милиции.

А откуда, вы думаете, взялись у него пистолет Макарова и запредельная наглость? В смысле, были... Майор, правда, был не боевым, а шнырил по потребительскому рынку. Привыкнув доить бессловесных киоскёров, он напрочь с годами утратил бойцовский дух, выучку и чувство страха. Несомненно, чувство страха к нему вернулось. Теперь уже навсегда.

Дону стоило немалых трудов выгородить Стаса, для чего пришлось переквалифицировать дело с нападения на сотрудника при исполнении – на необходимую самооборону. Помогли друзья и немалые средства, выданные пострадавшему наличными, на лечение, на доктора, на первоклассный корсет. Благо, что этот алкаш всем давно надоел, и его с облегчением, пользуясь случаем, списали на пенсию.

Но не обошлось и без приятных последствий. За полгода ношения корсета, майор начисто бросил не только курить, а заодно и пить, и благодарная майорша, прознав адрес благодетеля, ещё пару лет пыталась преследовать Шрека и угощать собственноручно испечёнными пирожками и домашними огурчиками.

А Стаса ещё долго вышучивали все друзья, посылая делать сорок уколов в живот.

От бешенства.

РАЗБИВАНИЕ МЕЧТ

Продавец Ира была поймана на воровстве за руку. А если быть предельно точным, то за грудь. Пользуясь четвёртым размером своих чепчиков для близнецов, она, идя домой по окончании смены, заталкивала туда по килограмму мясных деликатесов. Вероятно, для кормления домашнего кота. Что характерно, лишние пару килограмм практически не были заметны для визуального контроля. А тактильный не практиковали, дабы не давать волю низменным страстям, забыв, что излишнее доверие открывает путь не менее низменным инстинктам.

К счастью, мир не без добрых говорливых людей. Особенно торговый.

Будучи схвачена с поличным за сиськи, полные чужого добра, Ирка покорно опорожнила свои бомболюки от несправедно нажитого, и уселась в курилке ждать Стаса, экстренно посланного доном на место преступления.

Стас воспринимал кражу денег дона как личное оскорбление. Совсем нюх потеряли! Потерявшихся и заблудших надо наставить на путь истинный. Воздастся каждому по заслугам. Пока эта карающая десница мчалась в магазин, ему гигантским усилием удалось слегка успокоиться. Либерализм и здравомыслие возобладали.

И из проблем, при наличии желания и необходимого опыта, можно было извлечь пользу.

Первым делом, он опросил тех, кто что-то видел, и тех, кто что-то слышал от тех кто видел. Он понимал, что информации лишней не бывает, а фильтровать ненужное было его коньком. В силу ежедневного многотрудного общения с различными слоями разношёрстной публики, он успел выслушать столько историй о злосчастных пертурбациях, что мог заканчивать любую фразу вместо любого бляющего оправдания крысятника. Бедность и скудость их воображения удручали.

Ознакомившись с горкой изъятого, лежащей на столе в качестве доказательной базы, и вынеся благодарность бдительной завке Неле, решил, что – пора.

Истомлённая ожиданием виновница скурила всё, что у неё было, но не решалась выйти за сигаретами. Зайдя в курилку, Стас со вкусом затянулся и неторопливо высмолил сигаретку, не сводя с дрожащей продавщицы пристального взгляда. При этом ни слова не было произнесено.

Доведя её до нужной кондиции, он привёл Ирку в свой кабинет, расположенный у служебного входа, у погрузочных ворот.

– Раздевайся, – велел он ей. Она сняла фартук. – Нет, ты не поняла. Догола.

Ирка облегчённо выдохнула. Она и не рассчитывала, что ей удастся отъехать таким лёгким способом. Практически без ощутимых потерь. Это выглядело, на первый взгляд, как женское счастье. Так и делают карьеру самые умные и сверхспособные. Она ничем не хуже. А кроме того, от неё не убудет. Главное, и деньги не вычтут из зарплаты.

Наведя на ситуацию резкость, со второго взгляда она ещё улучшила прогноз. Коварным продавальческим умом она хищно прикидывала, что теперь у неё будет законная возможность запускать лапу в кассу, без лимита, и никто-никто даже вякнуть не посмеет. Будет держать Бога за бороду.

В смысле, Стаса ...

В смысле, не только за бороду....

Все эти бабские финтифлюшки мелькали на её личике в процессе хаотичного разбрасывания одежд по кабинету.

Шрек с неподдельным интересом наблюдал за ней, читая короткие мыслишки как в открытой книге. Он критически рассматривал Ирку. Правда, там и посмотреть было на что, это да ! Надо объективно признать, что без пилотки и без фартука, а в особенности и без всего остального, Ирка выглядела кратно выигрышнее, чем упакованная в них. Фартуки, в целом, способны существенно испортить практически любую женщину.

Стас молчал, размышляя над чём-то своим. Однако же из штанов выпрыгивать не спешил.

Впал в ступор, резонно решила Ирка, зная какое действие производят на неокрепшие мужские умы её несомненные достоинства, и покрутилась перед ним. Завлекая, значит.

Титьки призывно болтались, напоминая Стасу боксёрский мешок, который он был вынужден бросить в спортзале, отвлекшись ради возмездия.

– Ты тапочки-то одень, – вдруг сказал очнувшийся Стас.

Непонимающая Ирка влезла в тапочки.

– Станный он, – подумала она. – Ещё бы в сапогах –так это ладно, понятно. Но какая может быть романтика в тапочках ?

Крепко взяв за руку он повёл её в коридор. Ирка не засопровтивлялась. Неужели он хочет прилюдно ? Нет, всё же странный он ! Логикой не понять, что у этих мужиков в башке происходит, и вообще – есть ли там ум ? Ну и ладно, пять минут позора, зато потом....

Стас вывел её в холл для разгрузки товаров (неказист будуар –подумала Ирка), подвёл к входным воротам, вытолкнул наружу и закрыл дверь на огромный внутренний засов.

– Приёмки продуктов пока не будет, – громко объявил он.

Не спеша обошёл зал и закрыл изнутри входную дверь в магазин тоже.

Перерыв. С дремотой.

Дремота не шла. Кино закрутило сюжет на зависть братьям Коэнам и шло по нарастающей. Страсти накалялись и близились к точке кипения.

В огромные прозрачные витрины магазина, прямо с рабочих мест, ошалевшие товарки и остолбеневшие покупатели наблюдали, как вокруг магазина скакала почти что в балетных па голая Ирка, стремясь проникнуть внутрь, и не зная, как двумя руками прикрыть не худое тело. Тело не прикрывалось. Что-то да оставалось неприкрытым.

Прохожие, враз утратили планы о наиважнейших делах, по которым они оживлённо спешили минуту назад и дружно явили невиданный интерес к необычной рекламной акции.

Ай да магазин !

Триумф был налицо.

На лицо, правда, никто не смотрел, ввиду явного отвлечения внимания на противоположные стороны скачущей и метущейся многогранной женской натуры.

Собиралась толпа. Преимущественно из мужиков. Толпа росла на зависть любому митингу, словно весь район был поголовно неженат и маялся резко обострившимся пубертатом. Вот как будто женщин не видали, честнослово!

Все внезапно стали поклонниками балета. Даже те, кто с трудом бы вспомнил это слово. Балет завораживал.

Фамилию режиссёра никто не знал, но он был гением, вне всякого сомнения. И точно не Виктюк.

Возникло стойкое ощущение ирреального нахождения внутри съёмочной площадки.

Через четверть часа, в крайнем случае, минуты через полторы, толпа вспомнила об утраченной функции дыхания и выдохнула. Выдох более всего напоминал стон Ярославны. Предыдущее время организмы насыщались кислородом за счёт скрытых внутренних резервов. Задохнувшихся не было, по причине резкого и сильнейшего оттока крови от головы, а именно в ней и находятся дыхательные дырочки, очевидно временно забывшие свою функцию на такой драматический момент.

Начался оживлённый обмен мнениями.

Комментарии носили одобрительный, дружественный характер. Редкие затесавшиеся интеллигенты вставляли весьма поощрительные и нежные замечания. У многих ораторов в суждениях слышался и частично эротический подтекст с уклоном к одобрению действий организаторов, наконец-то решившихся последовать примеру Амстердама и Парижа, и создать свой квартал красных фонарей.

Идея, брошенная в массы, в собравшийся вокруг полк, вызывала ступор приятного предвкушения.

Предложения о переходе к активным действиям в партере звучали всё явственней.

Предложений руки и сердца не было.

Ирка, устав пинать дверь, оглянувшись, обнаружила себя объектом пристального мужского внимания, столь лестного бы многочисленностью преданных поклонников при других обстоятельствах, но при этих – всё более тяготеющих к наступающей экспирации, перестала плясать по крыльцу перед запертой дверью как по сцене, и сиганула в густые кусты, в изобилии росшие перед магазином.

Восприняв побег в кусты как намёк на призыв к действию, самые отважные из толпы мужики двинулись следом, охватывая двор в кольцо. Вероятно, сработали инстинкты пещерных охотников. В смысле, один из.

Пылкая плясунья, на этот раз правильно восприняв себя как жертву, из кустов оценив диспозицию, не вдохновилась возможным развитием ситуации, и с визгом рванула к автобусной остановке. Она одновременно и боялась масс, и стремилась быть, и желательно поскорее, в месте пооживлённее.

Тапочки пригодились, хотя в этот момент меньше всего она думала про тапочки.

Толпа самцов целеустремлённо трусила следом, по пути делясь впечатлениями, и в красках и подробностях расписывая встречным, что за магазин устроил этот яркий праздник в серый будничный день. Неизвестно, был ли этот день днём защитника животных, но отчего-то все прохожие изображали лемуров с потрясающей достоверностью. Или сурикатов. А самые ушлые – леммингов, множа толпу.

Слышимый чуть впереди визг трактовали как слуховой ориентир для последователей братства первобытного единения с природой.

Сексуальные флюиды сконцентрировались до видимых пределов и затуманенное облако плыло перед могучей кучкой, практически осязаемо подталкивая лидершу марафона под аппетитно мелькающие впереди ягодицы и понукая непрерывно наращивать темп. Возможно, этим

облаком было затуманенное сознание, покидающее враз помолодевших и натестостероненных сверх всякой меры кобелей. Марафон был долгов, метров двести, и каждый из загонщиков успел за столь длительный период времени в пути либо развестись, либо овдоветь, либо вернуться в машине времени назад на двадцать лет и сбежать из загса, съедая паспорт, за секунду до.

Если бы на дороге случился кто с секундомером, да хоть краешком принадлежащий к судейскому корпусу легкоатлетов, то, вполне возможно, на следующей олимпиаде мы бы увидели кардинально новый состав участников.

Когда на ногах у вас тапочки, но отнюдь не скороходы, а позади стая распалённых загонщиков, то идея искривления пространства обретает сугубо практический смысл. Ирка, на корпус обогнав собственный визг, вломилась в подошедший маршрут, как викинг в ворота взятой крепости. Пассажиры радостно ахнули.

Раззадоренная мужская кучка с разбега впрыгивала следом, уминая в прыжке внутренних счастливых автопробега, лелея лёгкую надежду на вождельный приз в виде вероятной медовой ночи победителю забега. В автобусе уже было в три раза больше пассажиров, чем предусматривала самая смелая теория по сжатию газов.

Но сектанты пёрли и пёрли снаружи, как пчёлы тянутся в улей непрерывной струёй. Что объяснимо, весь мёд ведь уже был внутри. Теснота совсем не ощущалась, вытесняемая азартом. Во всяком случае, жалоб не поступало ни от кого.

Куда все эти горе-любовники шли до того как, или же они, наоборот, собирались ехать, на том ли маршруте, в том ли направлении – не имело уже никакого значения. Инстинкт всемогущ. Иные, не страдающие, слабоинстинктные или хилые духом, безнадежно отстали в пути.

Это совсем не был тот адюльтер, с открывающимися заманчивыми перспективами, о котором Ирка грезилла незадолго до этого.

Водитель забыл нажимать на кнопки и педали и порывался выйти в салон. Он также страстно желал приобщиться к. Не было мест.

Говорят на лучшие представления всегда не достать билетов. Особенно в первые ряды.

Куда бы не поворачивалась Ирка, повсюду окружающее её пространство состояло исключительно из глаз, как будто вокруг было огромное насекомое и его фасеточные глаза окружили, опутали её всю. По автобусу пронеслась эпидемия базедовой болезни, враз и вглаз поразившая каждого.

Забившись в угол, она рыдала так, что разжалобила даже кондукторшу. А может, обедев взором Ирку, даже она поняла, что вряд ли той возможно достать откуда либо деньги. Конечно, тапочки -тоже предмет гардероба, но они, почему-то, ситуацию не спасали. Высадить её не представлялось возможным. Скорее, толпа бы пожертвовала кондуктором, посягнувшим на святое.

Будь у кондукторши деловая смекалка, она легко собрала бы со всех повторно, не только за проезд, но и за осмотр диковинного экспоната, являвшегося несомненным преимуществом этого маршрута, даже близко недостижимым конкурентами.

Злобно шипели старухи : «Вот времена до чего дошли, шляются в чём мать родила», но отнюдь не все разделяли эту радикальную точку зрения. Некоторые, относившие себя к современному, прогрессивно мыслящему меньшинству (мужскому), бурно одобряли наступившие здесь и сейчас и наконец-то времена. Времена были такие, что хотелось жить ! Без мыслей о работе, дефиците и нехватке средств. Вдохновляющие на подвиги времена ! Сорок пять – мужик ягодка опять.

Только запёртый в стеклянной клетке водитель покорно вёз по дороге этот летучий «Мулин Руж». И глядя в зеркала, он видел только затылки – шевелюры или лысины, и совсем ничего из более интересного. Бедолага.

На остановках выходили только дамы, характеризуя окружающих, за неимением в лексиконе тех лет и тех масс терминов «сексисты» и «шовинисты», другими, гораздо более ёмкими

и гораздо более понятными выражениями. У них, от зависти к сопернице, происходило помутнение хрусталика и провисание зрительного нерва, и им виделись повсюду полорогие, парнокопытные, дурноухающие существа. Либо самоходные изделия №2 в промышленных количествах. Обострение внутривидовой борьбы за внимание, не иначе.

Джентльмены же, демонстрируя завидную тугоухость, игнорировали обидные слова, но стремились ехать и ехать, до конечной, и хотелось бы, чтобы конечная не случилась по пути. Каждый млея, и мнил себя Адамом.

Мужская часть запомнила эту поездку на всю жизнь.

Стасовский план был дьявольски точен. Для воровства в магазинах был поставлен непреодолимый барьер. Правда и с набором нового штата, взамен некоторых заблаговременно сбегавших, возникли в целом понятные сложности.

А в магазин ещё долго валили толпы, надеясь на продолжение полюбившегося реали-шоу.

ЛАБУТЭН

Контролёры вломились разом со всех дверей, и прошли по трамваю как тайфун. Как взрывная волна. Выпали на следующей остановке, в каждой руке держа по зайцу. Зайцев кучей загнали в предусмотрительно стоящий тут же пустой автобус. Один, в рваных тапках, в трико с котятками на коленках, в майке с висящими пожулькаными лямками и ведром в руках, ерепенился. Не хотел лезть в автобус. В детстве мама читала ему сказку «Терёшечка» и полюбившийся персонаж поражал детское воображение своей хитростью, несговорчивостью и невлезаемостью. С него хотелось строить жизнь. Когда никакая Баба Яга не может тебя одолеть. Тот самый случай.

Что делать, вызвали милицию. Пришлось, правда, до приезда родимой держать расбушлата за руки, но он и тут вырывался, но не резко, берёт ведро, наполненное каким-то стеклянным мусором. Ну что, контролёры – бабки, хоть и не яги, но хваткие, опытные. Одолели.

Тучный сержант и прыщавый старшина повели буянца в околоток. Заперли в клетку.

– Жди, – говорят, – Начальство придёт с обеда, штраф тебе выпишет.

Так с ведром он и ходил по камере. Поставить не мог, дно треугольное. Знаете, такие небольшие пожарные вёдра для тушения пожаров, висящие на щите.

Ходит, бурчит чего-то, подматюгивается вполголоса. Ну, наших ментов удивить уже ничем нельзя, насмотрелись за годы работы на всякое.

Чудиком больше, юдиком меньше. Привыкли.

После обеда позвали в кабинет. Протокол. Кто, откуда, родился, женился ?

– Ну, Юрий, ну Лабутин, – он и не мог предполагать тогда, что через двадцать лет его фамилия будет звучать синонимом успеха и провоцировать ойхочущие судороги у не в меру впечатлительных дам и вызывать изжогу у их кавалеров.

Будничная явь. Тоска. Заполнили. Распишись.

– А ведро-то чего не поставишь ? А, дно треугольное... бывает... Ну иди и не попадайся больше.

Перед тем, как отпустить – лейтенант поинтересовался,

– А ты чего с ведром-то ? Там чего у тебя в нём ?

– Да соль, не бери в голову, – отвечает.

– А ну, покажи ! – Смотрит лейтенант, правда соль, но только крупная какая-то. – Откуда ?

– Да работаю на солевом заводе, на работе зарплату солью и выдали. Денег-то нет сейчас ни у кого, вот на рынке продать хочу. Всё вперёд! Жрать-то надо !

– Ну иди, бедняга, – отпустил лейтенант. – Эх, всем тяжело, довели страну, сволочи ! Ладно хоть солью выдают, хоть продать её можно, товар ходовой, а мы вот тут слышали, людям гробами пенсии выдавали ! Сволочи они все ! – Лейтенант был молод и ещё излишне человечен.

– Ладно, бывай, и тебе успехов, а я на базар.

На выходе, на крыльце, аккуратно вынося вперёд себя из дверей ведро, он столкнулся с начальником милиции. Высокий, не старый, но уже выдавший виды, обрюзгший полкан. Глазки заплыли, но – це-е-е-пкие.

– Стой! Кто? Откуда ? Почему с ведром ? Что там ?

– Да соль, сказал же, отвали.

– Вот ни хера себе, отвали !

Цап за руку, с ведром, а тот вырывается ! Тут полкан насторожился, чуйка тренированная, не зря же до начальника дослужился, в такие непростые времена. Берёт соль, и в рот – не солёная. Да вообще безвкусная ! И не кусается! чуть зубы не сломал. По стеклу на двери провёл – царапина. Да это ж ! Алмазы, мать вашу ! Ну, сокол мой родимый, пойдём-ка взад.

И в кабинете своём уже впился в него клещём.

– Отвечай, падла, где украл ! – Пытается отнять, Юрик не отдаёт, держится за ведро, как утопающий за круг. Пока бились – часть просыпали. Вызвал полкан подкрепление – ведите его опять в цугундер! Юрик не идёт, ползает, алмазы собирает, конвой его пинками отгоняет, но безуспешно.

Ну, Юрик под столом майку снял, сверху на ведре завязал, как уж вышло, и ползает под стульями, под длинным полковничьим совещательным столом, пытаясь остатки собрать. Конвой тоже, не будь дураки, его из под стола тянут, а сами глазом выцеливают блестяшки и прикарманить норовят. Полковник же, уже не стесняясь собирает с пола и на стол к себе складывает.

– Адвоката – требует снизу Юрик, – И опись !

А сам, под столом, за ножки цепляется и наружу из укрытия не вылезит. Чисто застрявший в норе Винни-Пух.

– А застрелиться не желаешь, – альтернативу ему предлагают, и пистолет под нос подсовывают, для подтверждения серьёзности намерений.

В общем, это был наш неравный, хоть и решительный бой.

Вытащить его из-под стола было равносильно вытягиванию баобаба. Из болота тащить бегемота.

Сержанты, как бурлаки на Волге, тянули что есть дури, но только воздух испортили.

Будь полковник поздоровее, не манкируй он все эти годы физподготовкой, вот бы пригодились ! да умудрись справиться без свидетелей, он бы , конечно, не задумываясь, устроил либо Юрику самоубийство, либо себе необходимую самооборону. С незначительным, но заведомо случайным превышением пределов. Но, глядя на потные тупые лица сержантов, было ясно, – сдадут! как пить дать, сдадут !

Двадцать девять лет одно и то же, – с тоской подумал он.

Ну, что делать – кликнули бесплатного адвоката.

Запротоколировали, записали общим весом, посчитали в штуках. Адвокат было заикнулся про экспертизу, но, споткнувшись о взгляд полковника, замолк на полуслове.

Юрика в наручники, протокол ему в зубы, и в клетку его. В одиночку. Тесновато было в других, а Юрик – он сидел с комфортом. Никто не должен быть слышать его алмазную историю.

*****

Полковник с полкило себе в карманы насыпал, потом взял графин со стола – бряк! об пол, только брызги полетели.

Это было зрелище не для слабонервных сотрудников отдела милиции юго-западного района ! Были бы поражены видевшие, как полковник милиции Головач, кавалер– орденосец, гроза жуликов и подчинённых, лично подметал маленьким веничком пол, бдительно следя, чтобы ни один осколочек никуда не закатился; потом тщательнейшим образом смёл на газетку, потоптал сапогами, налегая всем своим немалым весом, и засыпал обратно в ведро.

А вы говорите – древние алхимики не могли найти способ превращать свинец в золото. Просто они были бездари без творческой жилки и неудачники, без милицейской смекалки.

А что ! Выучка у любого из служивых была что-надо! Когда начальство требует вечно нереальных свершений, научись и преступления оптом за день-другой раскрывать, и на любые должности пролазить без мыла, и деньги из ниоткуда добывать и куда скажут вносить, обеспечивая себе и почёт, и уважение, и несменяемость, и ордена к звёздам в придачу.

Да на этом фоне любая алхимия померкнет, оказавшись не сложнее детского фокуса с отрыванием большого пальца !

Перемешал. Готово !

Ну вот, теперь можно и олигарха этого, в тапочках, из обезьянника поднимать. Позвонил дежурному, ведите его, говорит, ко мне в кабинет.

Подумал. Перекурил. Открыв тумбу, достал коньячок, опрокинул стаканчик. Закурил ещё одну. Осмысление приходило мало-помалу, жадность нарастала и вытесняла здравый смысл. Замаячила обеспеченная старость на давно желанной пенсии.

Снова позвонил в дежурку, отменил предыдущее распоряжение, приказав вернуть незадавшегося ювелира обратно в камеру.

Сходил в кабинет к заместителю. Сходил в штаб. Походил по кабинетам, в поисках уже отчаяния не только графинов, которых понятное дело, ни у кого и не было, но и обычных бутылок. Сообразив, что будет он несколько странновато и даже подозрительно выглядеть, собирая прилюдно пустые бутылки у подведомственных любителей выпить, круто развернулся и бегом в свой кабинет.

Оттуда позвонил в ближайший продуктовый, заведующей Неле, и попросил привезти три ящика пустых бутылок. Пожалел, что уже всё перемешал в ведре, до того как осенила блестящая мысль.

Закурил, в ожидании.

Долго орал на Нелю в трубку, увидев три ящика с коньяком, не стесняясь в выражениях, характеризуя её ненужную в этот раз рабскую сервильность, с пожеланиями не подмахивать без спросу и не умничать поперёк батьки.

А что было подумать несчастной заведующей ? Услышав, про три ящика пустых бутылок, она справедливо предположила, что у ментов – то ли праздник, то ли проверка из главка, в любом случае, почему-то, уважаемый Леонид Григорьевич счёл правильным выразиться непрямо. Она и подсуетилась, не чужим же людям!

Прооравшись и нарезав новую задачу, по размышлении, он коньяк всё ж таки оставил. Пригодится. Вещь хорошая.

Постучавшись, те же самые грузчики внесли три ящика пустых бутылок. Увидав «чебурашки» из-под газировки, Головач схватился за сердце. Потом за телефон.

Впавшая в панику завка заменила «чебурашки» на водочные.

И ещё раз, обалдевшая от ситуации, уже похожей на сюр, заменила их на чистые, отмытые от этикеток. Отправив последнюю партию, заведующая сказалась больной, и сбежала с работы. Если бы ейпозвонили ещё раз, она сама залезла бы в бутылку. Мир, очевидно, сильно изменился, и её мыслительные способности не поспевали за изменившимся миром. Бутылка, без сомнений, со времён Рюрика, а то и ранее, всегда была и есть мерило ценности на просторах одной шестой части суши, но чтоб пустая ?!

Охреневшие от увиденного дежурный с помощником не могли вразуметь, какого рожна таскают грузчики туда-сюда ящики с пустыми бутылками.

Что тут у нас, герои-панфиловцы готовят коктейли Молотова для встречи врага на дальних подступах?

Или открываем цех по разливу прямо тут, без отрыва от основной деятельности?

Или, за неимением средств в продуктовой кассе, поступила команда принимать бакшиш стеклотарой?

Отвечать им, впрочем, было некому, грузчики, как водится, были нетрезвы и некомпетентны, а спрашивать полковника – смелых не нашлось.

*****

И всю ночь дежурившие на охране районного покоя сотрудники слышали из кабинета начальника звон разбитого стекла.

Что там – супруга приехала, разводятся?

И до утра не гас свет, ударник охранительного труда не шёл домой. Боролся с преступностью не щадя живота своего, без перерывов на сон!

Он закрылся от всех и на стук в дверь – посылал матом.

Разложил алмазы по всему полу, тщательно сортируя, и откладывая в отдельную кучку самые мелкие. Отсчитывал и перекладывал, из кучки в кучку. Сверял с описью в протоколе, и снова перекладывал и тасовал, тасовал и перекладывал. Усердно старался добиться максимального соответствия во внешнем виде. Получалось плохо. К рассвету, измученный Головач, лёжа посерединке кабинета, всё ещё лихорадочно двигал по полу блестящие камушки отработанными движениями, как костяшки на счётах.

С утра он вновь стал названивать в продуктовый, велел привезти весы поточнее. Услышав его голос, Неля поняла, что пора думать о смене места работы. В этом районе, похоже, времени на торговлю уже не оставалось. Весы она приволокла лично, чтобы взглянуть на начальника милиции, явно съехавшего с глузду. Её к нему не пустили, сказали – страшно занят. Дежурный, странновато улыбаясь одной половиной лица, взял у неё весы и, не отвечая на расспросы, велел отчаливать. Подобру – поздорову.

*****

Ближе к следующему полудню, Юрика вызвали в кабинет начальника, отдали ведро, вырвали подпись в протоколе о возврате имущества, и отпустили. Юрик, уже отчаявшийся увидеть свободу, да и алмазы, удрал. Но не забыл проверить их на подлинность, царапнув стекло. Стекло царапалось.

На трамвае, учитывая толчею и отсутствие денег, решил в этот раз не ехать, судьбу-злодейку не дразнить, шёл пешком.

Уже дома, счастливый как идиот Юрик обнаружил, что под верхним тонким слоем насыпана куча стекляшек.

Впав в ярость, он разгромил собственную квартиру, будто разломанная мебель могла принести ему утешение.

Он и по сей день вынашивает планы мести, самый человеколюбивый из которых предусматривает ссылку всех милицейских на алмазные копи, с последующим их незамедлительным расстреливанием после выполнения плана по добыче драгоценной руды.

А сметливый Головач Леонид Григорьевич уволился таки на пенсию, и сейчас он успешный отельер, купивший пару гектаров земли на пригородном озере и понастроивший там две дюжины огромных безвкусных кирпичных коттеджей, каждый с десятком спален, сауной, бильярдной и камином, которые сдаёт по сходной цене под свадьбы, дни рождения да и просто под любые увеселительные мероприятия.

Постарев, соглашается в качестве части оплаты и на привезённую проститутку, и те, кто у него побывали, с изумлением рассказывают, что пожилой немолодой седой жердьяй в пьяных

соплях бормочет про сокровища и милицию, бандитов и оперов, но обязательно последнюю наливает и пьёт, стоя во фронт, с тостом «За Лабутэна!».

А сам Юрик.....

Тщательно перебрал гору стекла, Юрик обнаружил полсотни алмазиков, вперемешку с осколками бутылок ссыпанных начальником в возвращённое ведро. Их хватило на покупку старой BMW, на которой он позднее и катал своих подручных по делам славного спортивного клуба «Аврора».

За глаза братва звала его Алмазный Юрик.

Характерно, что услышав эту кличку в лицо, Юрик хватался за пистолет и, судя по изменившемуся выражению лица, в секунду приобретающему белый цвет, и становящегося необъяснимо похожим на Бабу Ягу, страстно желающую добраться до Терёшечки, впадал в неконтролируемое, а возможно, и в предынфарктное состояние.

Нельзя было поручиться, что он в этот момент не выстрелит, и желающих проверить не находилось.

А из последнего алмазика, не до конца утративший романтику Юрик сделал жене кольцо. Ничего не упустили ?

А-а-а! Лабутэн !

Так это совсем другая история ! Спросите вот хоть у Шнурова – он вам расскажет...

КАЗАК.

Слава был казак по рождению, с самой Кубань-реки, коренной станичник в ..дцатом поколении.

Он был статен, был силён и языкаст. Главный задиришка на станице, но и в драке всегда первый.

После службы в Советской Армии, вернувшись в родную станицу, покружил там, отгулеванил положенное, и решил поехать на заработки, да и душа неуёмная рвалась в бой. Что зимой-то в станицах делать ?

Станичный быт наложил на него свой отпечаток. Длинные волосы, подстриженные «под горшок», мясистые губы, и нос картошкой.

Деревенский дурачок.

Таким его первый раз увидал Юрик, задорного, лихого, не лезущего за словом в карман. Попал он на Юрика в баре, сидели рядом, выпивали, трепались за жизнь.

– Как ты, казак, тут оказался ?

– Тоска, милчел, – ответил Слава, – Как бы со скуки не сдохнуть, да не спиться, горилки хапнешь – вот и всех радостей-то. Рази эт жизнь ?

– А ты почему без шашки и папахи, – ехидничал Юрик, – или уже в карты их проиграл ?

– Ёмаё, да я сам ряженных не люблю, – говорил Слава, – Им хотса в бирюльки играть, а я хочу делом заняться. Если кого над зарезать – обращайтесь. А рядиться под казака... Зачем эт ? Малахольность спрятать? Перед девками порисоваться ? Глупо... А шашку свою я привёз... Дома. На стене висит. Всегда пригодится.

– Подожди, – пытался уточнить Юрик, – Ну ведь ваши-то все – бородатые, да в каких-то бурках, на груди иконостас целый, то есть ты – ненастоящий ?

– На хрена мне борода и нагайка? эполеты золотые? да медалек ихних полон бидон ? Если тебя покрасить в чёрный цвет – ты ж не станешь от этого негром ? Казаком родиться надо ! И доказывать потом всем, что ты достоин ! А у них щас мода – рядиться в черкески кому как вздумается... называется "вступить в казачество". Ты проверь мя в деле, потом судить будешь.

– Почему нет ? Приходи завтра. Вот на Воропаеве тебя и проверим, – Юрик мигнул Ленке, и заказал ещё по одной. Чтоб не сглазить.

Вася Воропаев был бельмом в глазу города. Небольшой, худой и абсолютно лысый, он пользовался необъяснимым влиянием на слабый пол, в независимости от их возраста.

Суть его деловой деятельности сводилась к займам у одних для расчёта с предыдущими.

Его привозили в банк, он выходил оттуда через пару часов с кредитным договором и проштампованной этим же, текущим днём, платёжкой, на всю сумму долга. Васю, похлопав по плечу, отпускали. Деньги в те годы шли по городу дня три. Осчастливленный кредитор, не дождавшись денег ни через три дня, ни через пять, ни через десять, скакал и базлал. Он бегал с криками между двумя банками, покуда не выяснял, что штамп на кредитный договор и платёжку Васе поставила расчувствовавшаяся мамзель. Что ей при этом пел сладкоречивый соловушка, оставалось неизвестным, да, впрочем, никто и не задавался ненужными вопросами.

Васю отлавливали снова, набивали шишки на его лысой голове, потом выравнивали и лечили, и везли в другой банк. Через два-три часа Вася выходил, победно размахивая договором. Вес взят ! Кредит получен ! Платёжка будет завтра. И на завтра, без обмана, доставленный в банк, он опять выходил из банка уже с платёжным поручением. Клялся, что на этот раз, всё пучком !

Васю отпускали.

Денег не приходило. Васю снова ловили, он скрывался, недели шли.

Вася, видимо начитавшись полезной литературы, освоил курс маскировки, грима и визажа, перевоплощения и диффузионного перемещения в пространстве. Бесплотной тенью ему удавалось проскальзывать между машинами и деревьями незаметно для уставшего караула. Ниндзя.

Надо было обладать завидным упорством, чтобы, забросив все прочие, важные и не очень дела, пасть у его дома день за днём, внимательно всматриваясь в проходящих мимо бомжей, старушек и собак.

Попавшийся в очередной раз, он был бит, пуган и пленён. Его, привычной дорогой, везли в следующий по очереди банк. История повторялась с удручающей регулярностью. Дамы млели от Васиных речей, таяли, проникались и велись. Зачем они при этом штамповали ему документы, рискуя вылететь с приличной работы с волчьим билетом, – сие есть великая загадка непознанной загадочной женской души.

Васю уже знало полгорода.

Он попал в лапы Юрику случайно. По длинной цепочке, этот, передаваемый из рук в руки талисман удачи, перешёл эстафетной палочкой в одну из крышуемых Юриком фирм. Повезло так повезло. Сорвал куш по лотерейному билету.

Свозив его пару раз по банкам, и получив стандартный набор облапошенной жертвы, Юрик повесил договоры и платёжки себе на стену, рядом с медалями и грамотами. Ситуация была, мягко говоря, неприятной. Урон репутации был нанесён существенный. Получить с Васи деньги не удавалось пока никому. Можно, конечно, продать афериста на органы, но Юрик не имел связей в среде албанцев и косоваров, а давать объявление в газету счёл не благоразумным.

Тут, пока он, чеша репу и выравнивая прыгающее давление коньяком, сидел в баре, подвернулся лихой казак.

*****

Утром Слава пристально взгляделся в ясные Васиные очи. Посчитав утонувших в тех бездонных озёрах невинных девиц, Слава скрестил на груди руки и сплюнул на пол.

– Надо ему яблоко на темечко, – предложил Слава, – и шашкой на срез встояка. Он мигом вспомнит, где сундук с деньгами зарыл.

Юрик пожал плечами : «Делай!».

Слава сгонял до дому, вернулся с шашкой.

Васю поставили в центр комнаты с яблоком на голове.

– Жить иль не жить ! Вот в чём вопрос ! – декламировал Слава, обходя по кругу Васю, присматривая себе место поудобнее, – Ты чё, деревня, Гамлета не читал ?

Вася мелко дрожал, будто подключенный к электросети.

– Я, милчел, – флегматично говорил Слава, вытаскивая из ножен и тщательно осматривая шашку – рублю с двух рук и в хвост и в свист, и мельницу могу. Я на скаку шашкой серебряный рубль разрубал. Ты ток не бойсь. Не промажу. Ты смирно стой !

– Слышь, казак, так у него хвоста-то нет ! – сказал Юрик.

– Ёмаё, ну чё ты пристал, как банный лист, а? В хвост – эт отрубить голову, и влёт ее ж родимую и поймать!

Вася, застывшей статуей, судорожно икая, слушал эти беспечные разговоры, которые будто велись не про него и его не касались. Увидев, как внезапно затвердел взглядом Слава, он понял – сейчас рубанёт.

Он вскинул руки вверх. Яблоко свалившись, покатилося под стол. Отрадно, что не голова !

Слава недовольно сморщился:

– Фу ты, ну ты... Чегож ты, обнеси-голова, деешь-то ? Ток я настроился...

Вася сел прямо на пол и заплакал.

– Я верну, всё верну ! Не надо...

– Ото оно как, – сказал Слава, – вернёшь, значит? Тоись ты нас надурил, ёмаё ?

– Нет..н-н-ет ! – Вася отползал от него в угол, сжался и рыдал навзрыд, – Верну-у-у... – он лежал на полу и бился в истерике.

Слава стоял, опёршись на шашку, смотря на него презрительным взглядом. Юрик давился усмешкой. У дверей невозмутимо ожидали команды Олег с Кузей.

*****

Славу приняли в бригаду и за неполных два года он сделался известным практически всему городу. Славин трюк с шашкой бригада взяла на вооружение и в вольных пересказах за стаканчиком, этот Сёгун уже искромсал вагон яблок и мильён голов. И всё в капусту.

Теперь репутация работала на Славу. Пошли слухи, что он не то дикий черкес, прямой потомок Тараса Бульбы, не то спустившийся с гор последний из могижан, в общем, безжалостный абрек, уцелевший потомок монгольских варваров, атаман атаманов.

Всяк провинившийся и попавший к ним под замес, немедленно представлял свою отрубленную голову, с гиканьем и свистом подхватываемую на лету атаманом войска Донского. Потом несчастную голову несчастной жертвы, наколов на пику, повезут, в целях устрашения, по всему городу.

У-у-у, опричники ! Зря их большевики в своё время не добились.

Провинившийся, держась за голову покрепче двумя руками, предлагал различные способы искупить вину и покрыть ущерб. Воображение людское неистощимо.

Оценив предложенные варианты и выбрав наименее затратный, проштрафившемуся непременно давали возможность реализовать задуманное. Воодушевлённый оказанным доверием обладатель не отрубленной покамест головы прилагал обычно титанические усилия. Рвал и метал. Рвал где придётся и метал куда скажут. Нацеленный на единство тела и головы – рассчитывался сполна. Спасибо, Господи, что взял деньгами !

Главная задача непрерывно работающего конвейера – своевременный подвоз деталей. Деталей было навалом. Начавшийся бум породил тысячи и тысячи страждущих . Не сформировалось ещё ни у кого ни понимание бизнеса, ни деловая этика. Работы был непаханный край.

Слава развернулся с широким кубанским размахом.

С хозяйственной рачительностью он сгребал под крыло всех, кто нёс стабильные доходы. За разовыми копейками не гнался, богатство наживают – не суетясь, не спеша. Главное – не

терять уже нажитое. При всей своей необычайной дерзости и необузданности, он относился к делу обдуманно, его дельные советы зачастую помогали убрать ненужный риск.

Сказывалась дремавшая внутри родовая страсть к набегам и грабёжам. Он был толков, его планы всегда принимались, ибо думал он не только – как напасть и отхватить кусок, но и как этот кусок до дому донести, да уцелеть.

У абсолютного большинства прилично зашибавших деньгу людей, не получалось скопить существенно значимого состояния. Доходы утекали бурной речкой, не было учебников, не было учителей, и привычки к накоплению тоже не было.

Бригада, опираясь на Славины умения, умудрялась менять себе машины, покупали квартиры, словом, вкладывали деньги в реальные ценности, вместо неумного сорения по кабакам. Хотя и на кабаки не скупилась. Славина природная смекалистость помогали бригаде не просто скапливать, а и существенно преумножать капиталы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.